

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ДЖОКОНДА УЛЫБАЕТСЯ ВОРАМ

ЭКМО

Кража Тысячелетия

Евгений Сухов

Джоконда улыбается вора́м

«ЭКСМО»

2013

Сухов Е. Е.

Джоконда улыбается вора / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2013 — (Кража Тысячелетия)

24 августа 1911 года все французские газеты вышли с сенсационной новостью: из Лувра похищена картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Префект полиции Марк Лепен берет дело под личный контроль и поручает поиск национального достояния Франции лучшему парижскому сыщику – инспектору Франсуа Дриу. В ходе расследования выясняется, что музейные ценности почти не охраняются. Более того, тщательная инвентаризация показала, что за последние годы из залов музея были похищены сотни экспонатов... Директор Лувра в панике, а Лепен и Дриу в растерянности. Как найти грабителя, если им может оказаться кто угодно?

© Сухов Е. Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгений Сухов

Джоконда улыбается вора

Часть I

Заказ на «Мону Лизу»

Глава 1

Апрель 1911 года. Париж. Роковая красotka

В последний год известный археолог Омель Теофиль занимал должность директора Лувра, однако не собирался отказываться от своей основной профессии и ежегодно выкраивал время, чтобы съездить на раскопки в Грецию, где снискал международное признание. Пресс-конференция, созванная дирекцией музея, была посвящена отчету о его работе в новой должности, а также последним научным исследованиям, и Омель Теофиль чувствовал себя по-настоящему именинником. Для удобства приглашенных были принесены стулья, однако их не хватило, и большая часть журналистов разместилась у входа и вдоль стен. Вооружившись блокнотами, они записывали выступление директора.

Пренебрегая кафедрой, принесенной для удобства, Омель Теофиль, заложив руки за спину, прохаживался перед журналистами и с присущим ему терпением отвечал на самые неудобные вопросы.

– И последний вопрос, господин директор, вам не приходила мысль о том, что кто-то способен украсть «Мону Лизу»?

Поправив пальцем сползающие очки, Омель Теофиль с удивлением посмотрел на эффектную журналистку, закованную, словно в броню, в длинное приталенное темно-красное платье; ее хорошенькую головку украшала шляпка с небольшими полями, кокетливо наклоненная набок. Звали журналистку Жаклин Ле Корбюзье. Несмотря на молодость, девушка была весьма успешным репортером и являлась одной из немногих, кто был допущен в консервативное мужское братство журналистов.

Как же тут не потесниться, когда встречаешь столь прекрасное и одухотворенное личико! Впрочем, наивное личико девушки было весьма обманчивым, она принадлежала к самому радикальному крылу феминистского движения, которое в последнее время все активнее набирало силу, и вполне серьезно полагала, что женщины ничем не хуже мужчин. Устроившись на стуле в центре зала, она покуривала длиннющую тонкую сигарету из какого-то неестественно черного табака, хотя надо признать, что ей шло абсолютно все: от шляпки со страусиными перьями до громкого смеха. Директору было известно, что Жаклин Ле Корбюзье преподносила себя как женщину независимых взглядов, лишенную предрассудков, тем самым значительно увеличив число своих поклонников (в списке значились три важных чиновника из департамента искусств, а в число горячих обожателей входил сам министр Батист Шале). Имея серьезное покровительство, она нередко позволяла себе весьма скандальные выводы.

Волевым усилием подавив нарастающую улыбку, Омель Теофиль подумал о том, что и сам был бы не прочь (в разумных пределах, разумеется) поволочиться за очаровательной журналисткой. Впрочем, в соперничестве с самим господином министром его шансы приближались к нулю. Так что единственное, что ему оставалось, так это лепить любезные улыбки и делать вид, что его совершенно не интересуют ее гипертрофированные прелести.

Вместо того чтобы рассказывать о сенсационных находках в храме Аполлона, где он был не только руководителем, но также идейным вдохновителем проекта, вынужден рассказывать о малоинтересных экспонатах Лувра.

Последний вопрос несказанно удивил. Он выбивался из разреза всего того, о чем на протяжении последнего часа шла речь, но отвечать на него следовало. Журналисты, привыкшие к провокационным вопросам молодой напористой коллеги, взяв в руки карандаши, с любопытством посматривали на директора Лувра, ожидая его ответа.

– Понимаете, дорогая Жаклин... Ничего, если я вас так буду называть? – обезоруживающе улыбнувшись, поинтересовался Омоль Марсель Габе Теофиль.

На красивых губах промелькнуло нечто похожее на усмешку.

– Разумеется, господин директор, мне это просто необходимо.

В зале послышался сдержанный смешок.

– Вы всерьез полагаете, что кто-то способен украсть «Мону Лизу»? На сегодняшний день в Лувре самая надежная система защиты. Ваше предположение выглядит так же неправдоподобно, как если бы вы предположили кражу колокольни собора Парижской Богоматери! – уверенно объявил Омоль Теофиль, хлопнув крышкой серебряного брегета, красноречиво показывая, что выделенное время подошло к концу.

– Браво, господин директор! – захлопал в ладоши крупный журналист в зеленом сюртуке. – Весьма достойный ответ, лучше и не скажешь.

Вперед вышел главный хранитель музея Фернан Луарет:

– Позвольте от вашего имени поблагодарить господина директора за содержательную беседу.

Зашаркав стульями, журналисты поднялись со своих мест и потянулись к выходу. Завтра на первых полосах газет будет опубликован его отчетный доклад в новой должности директора Лувра, и это было приятно!

Последней уходила Жаклин Ле Корбюзье. Омолю Теофилю показалось, что она как будто бы искала повода, чтобы остаться с директором наедине: проходя мимо его стола, девушка задела стопку бумаг, лежавших на краю, тотчас рассыпавшихся веером по просторному залу. Обескураживающе улыбнувшись, Жаклин уверенно наклонилась, чтобы поднять исписанные листки бумаги, лежавшие в двух шагах от директорских ног.

– Извините, господин директор.

В какой-то момент Омоль Теофиль замер, ожидая, что узкое платье, не выдержав насилия, разойдется по швам. Однако катастрофы не случилось: женщина с грацией молодой тигрицы подняла листки.

– Позвольте я вам помогу, – переполошился директор, стребая рассыпанные бумаги в кучу.

Призывно улыбнувшись, Жаклин произнесла:

– Ну-у... если вам это будет не трудно.

Омоль Теофиль сделал вид, что ничего не произошло. Молодая бесстыдница считала его доисторическим экспонатом, точно таким же, какие он откапывал в античной Греции.

– Совсем нет, – устремился директор за листками, валявшимися в самом углу зала.

Директор едва не крикнул от досады, почувствовав, что вдоль спины ощутимо потянуло (застудил поясницу лет десять назад во время одной из экспедиций и теперь постоянно мучился болями), и с ужасом подумал о том, что может не разогнуться. Эта скверная журналистка о его пассаже разнесет всему Парижу!

Преодолевая болевые неудобства, Омоль Теофиль сумел разогнуться, даже вылепил нечто похожее на доброжелательную улыбку. Весьма жаль, что журналистка не оценит его подвига, совершенного во имя ее очаровательных глаз.

– Кажется, эти уже ваши.

– Благодарю, – ответила Жаклин, забирая протянутые листочки.

– А может, у вас как-нибудь найдется для меня время, чтобы выпить по чашечке кофе? – набравшись смелости, предложил Омель Теофиль.

– Непременно, – легко согласилась Жаклин. – Но только после того, как вы возьмете меня в свою археологическую экспедицию. Вы так вдохновенно о ней рассказывали.

– Боюсь, что это случится нескоро. В настоящее время я все-таки директор Лувра, а это ко многому обязывает... Вот только если вдруг меня неожиданно уволят, – очень серьезно произнес Омель Теофиль, – тогда у меня будет очень много времени, и я смогу пригласить вас даже в кругосветное путешествие.

– Что ж, в таком случае мне придется немного подождать, – лукаво ответила шалунья. – Всего хорошего, господин Теофиль. Рада случаю поболтать с вами.

Уверенной быстрой походкой девушка заторопилась к выходу. Слегка наклонившись, чтобы не задеть страусиными перьями дверную перекладину, ушла, оставив после себя лишь ванильный запах духов.

– Да-с, – невольно вздохнул Омель Теофиль.

От таких встреч только одни сплошные разочарования. Пожалуй, нужно ограничить встречу с подобными роковыми красотками. Все-таки ему уже не двадцать пять лет.

Глава 2

Девушка в голубом

Лучшего кофе, чем в ресторане «Галеон», Луи Дюбретону пить не приходилось. А все оттого, что готовили его по старинному рецепту, привезенному из Центральной Африки, державшемуся в строжайшем секрете. Из-за чашечки раскаленного напитка Луи Дюбретон готов был проехать половину города.

Сам же ресторан располагался в старинном арочном подвале с высокими потолками, заложенном еще в пятнадцатом веке, где в давние времена хранились бочки с вином, предназначенные для королевского двора. Но пять лет назад предприимчивый хозяин решил обустроить в подвале ресторан, который вдруг стал пользоваться невероятным спросом у парижан.

Подвал, лишенный штукатурки и выложенный красным огнеупорным кирпичом с клеймами королевского дома, уже сам по себе внушал немалое уважение. Одно время в этих подвалах размещалась темница для государственных преступников: до сих пор в них сохранились чугунные кольца, торчавшие из стен, к которым привязывали злоумышленников (сейчас всего-то декорация к необычной обстановке ресторана; проснись в них красноречие, так они могли много бы чего поведать).

– Что желаете, месье? – подскочил официант в красном фраке, угодливо склонившись.

Одежда официантов была еще одной особенностью заведения, в них гарсоны напоминали заплечных дел мастеров, будто бы материализовавшихся из прошлого.

Улыбка у официанта выглядела плотоядной. Луи Дюбретон невольно задержал взгляд на крупных зубах гарсона, которыми впору переламывать косточки заключенным.

– Вот что, милейший... – Луи Дюбретон перевел взгляд на меню. От обилия наименований невольно разыгрался аппетит, он вдруг почувствовал, что невероятно голоден и в один присест способен слопать половину блюд меню. – Принеси мне для начала утиную грудку с гарниром из фиг.

– У вас хороший вкус, месье, – одобрительно закивал официант, широко чиркнув карандашом в раскрытом блокноте. – Хочу вам сказать по секрету, утка у нас сегодня отменная.

– Очень надеюсь... За такую-то цену! – буркнул Луи. – И еще вот что, принеси мне трюфели.

– О-о! – восторженно протянул официант, подняв глаза к сводчатому потолку. – Очень хорошо понимаю ваш выбор. Трюфели доставили на нашу кухню всего лишь несколько часов назад. Уверю вас, вы не разочаруетесь.

– Насчет трюфелей не уверен, но вот кофе здесь и вправду замечательный. Так что принесите мне чашечку, пока я буду дожидаться своего заказа.

– Уверю вас, месье, вам не придется долго ждать, – заверил официант и, махнув лапами сюртука, быстро удалился.

За соседним столиком сидела привлекательная девушка в голубом платье и шляпке, делавшей ее облик еще более женственным, и крохотной серебряной ложечкой ковырялась в растаявшем мороженом. Не столь часто можно встретить женщину сидящей в полнейшем одиночестве, а уж со столь изящным профилем – тем более. Такие женщины встречаются лишь в сопровождении кавалеров и толпы неугомонных поклонников. Здесь же, на глубине средневекового подвала, она выглядела экзотической райской птичкой, случайно запорхнувшей в убогую клетку.

Подняв голову, девушка уверенно встретила взгляд Луи Дюбретона.

– Извините меня, мадемуазель, мне не хотелось бы выглядеть навязчивым, но такая красивая девушка, как вы, не должна сидеть в одиночестве.

Отведав очередную ложечку мороженого, мадемуазель равнодушно ответила:

– Вы хотите сказать, что это неприлично?

– Ну-у...

– И что сидеть в одиночестве может только девушка легкого поведения? – голос прозвучал столь же безучастно.

– Не подумайте чего-нибудь плохого, мадемуазель, но наше общество весьма консервативно.

– А разве по мне не видно, что я не из того разряда женщин и пришла сюда только для того, чтобы отведать мороженого, оно здесь невероятно вкусное.

– Ваше одиночество просто бросается в глаза окружающим, вас могут не так понять. Например, вот те молодые люди, что стоят у входа, – слегка кивнул Луи Дюбретон на двух мужчин в коротких пальто, – они весьма заинтересованно посматривают в вашу сторону. Вы позволите мне оградить вас от нежелательного знакомства?

Красивая головка чуть качнулась:

– Вы очень настойчивы. Впрочем, пожалуйста, место не куплено.

Луи Дюбретон расположился напротив девушки. Теперь, оказавшись на расстоянии вытянутой руки, она казалась ему еще привлекательнее. Весьма выразительными были крупные миндалевидные глаза, взиравшие с откровенным любопытством. Но что самое удивительное, они были разного цвета: правый светло-зеленый глаз взирал внимательно и выглядел невероятно серьезным, зато левый, с голубым оттенком, был бесшабашно вызывающим.

– Вы позволите мне один вопрос? – спросил Луи Дюбретон, понимая, что всецело угодил под гипноз необычных глаз.

– Разумеется, если он, конечно, не будет бестактным.

– Чем может заниматься такая красивая девушка?

– Вполне мужским занятием – журналистикой.

– О! Не так часто приходится встречать женщину-журналиста или репортера.

– Вы правы! Но со временем нас будет больше.

– Уверен, что журналистика от этого только выиграет, у женщин очень цепкий взгляд. Они все подмечают и ничего не упускают из вида.

Подошел официант и, не выражая удивления, выложил на стол заказ. Трюфели аппетитно благоухали, вызывая зависть у клиентов, сидящих за соседними столиками.

– А вы гурман, – констатировала незнакомка.

– Не без того, – согласился Луи Дюбретон, вооружившись вилкой и ножом. – Не люблю себе отказывать в удовольствиях. – Если желаете, я могу вам заказать порцию. Официант мне по секрету сказал, что на кухню их доставили сегодня утром.

– Мне не нравится марсельская кухня, – поморщилась девушка.

– А я как раз от нее в восторге!.. Простите, я не представился, меня зовут Луи Дюбретон.

– А меня Жаклин Ле Корбюзье. А чем вы занимаетесь, господин Дюбретон?

Молодые люди, с интересом прежде поглядывавшие на молодую журналистку, прошли в соседний зал в надежде отыскать новый предмет обожания. Однако место для этого они выбрали не самое подходящее.

Луи Дюбретон чувствовал себя охотником, сумевшим изловить жар-птицу. Вот только не обжечься бы!

– Я художник.

– И что вы рисуете?

– Например, сейчас я копирую «Мону Лизу».

– Вот как, весьма интересно. И ваше занятие приносит вам прибыль?

Трюфели и в самом деле оказались необыкновенно вкусными. В это заведение следует заглядывать почаще.

– Да, у меня кое-что получается. Надеюсь, что со временем я преуспею. Сейчас я как раз над этим работаю.

Крохотными глотками девушка поглощала кофе, с откровенным интересом наблюдая за тем, как Луи Дюбретон разделялся с утиными грудками. Луи не опасался за манеры, швейцар-гувернер, проживавший в их доме, прививал ему правила этикета тоненьким прутиком, настоящим на соляном растворе. Так что наука пошла впрок и даже в самом изысканном аристократическом обществе он чувствовал себя весьма комфортно. Но сейчас, находясь под прицелом девичьих глаз, Луи Дюбретон испытал некоторую робость и очень опасался, что столовые приборы могут выскользнуть из его пальцев.

– Настолько удачно, что вы можете позволить себе трюфели?

С утиными грудками было покончено, и теперь косточки аккуратной кучкой лежали на краю тарелки. Настала очередь ароматного кофе. Собственно, ради этого он и явился в ресторан «Галеон».

Отпив маленький глоток, Луи равнодушно произнес:

– Просто мне иногда везет.

– Вы играете в рулетку?

– Что-то вроде того... Вот сейчас встретил вас. И мне почему-то кажется, что наше знакомство будет продолжительным.

– Вы так считаете? – пожала плечами Жаклин. – А вот мне думается, что напрасно. Знаете, мне нужно идти, я сюда зашла всего-то на полчаса.

– Позвольте проводить вас. Все-таки в наше время и одной...

– Хорошо, – согласилась Жаклин, вставая из-за стола. – Вы очень убедительны. Но не хотела бы вас обнадеживать, у вас нет никаких шансов.

Луи Дюбретон поднялся следом. Разговор принимал неприятный оборот. Следовало спасать положение.

– Неужели я так плох?

– Вовсе нет! Просто вы не в моем вкусе.

Приподняв длинными тонкими пальчиками край платья, девушка ступила на лестницу.

– Дайте мне шанс убедить вас в противоположном! – в отчаянии воскликнул Луи Дюбретон. – У меня получится! А потом – вкусы меняются.

– Не уверена.

– Неужели мы с вами никогда не увидимся?

– Возможно, что как-нибудь случайно.

– Ради вас я готов совершить невозможное.

Поднимавшаяся по лестнице девушка приостановилась и внимательно посмотрела на Луи.

– Вот как? Вы говорите «невозможное»?

– Именно так.

– Два часа назад я была на пресс-конференции директора музея Лувра господина Омоля Теофиля, и он нам сказал, что украсть «Мону Лизу» столь же невозможно, как украсть колокольню собора Парижской Богоматери.

– Очень смелое заявление.

– Мне тоже так показалось. Он весьма остроумен, – сдержанно высказалась Жаклин. – Так вы способны на невозможное?

– Что вы имеете в виду? Чтобы я украл колокольню собора Парижской Богоматери или «Мону Лизу»? – невольно удивился художник.

– Вы меня так и не поняли. Я начинаю даже жалеть, что эта наша встреча последняя.

– А если я все-таки сумею сделать для вас нечто невозможное?

– В таком случае приходите в редакцию «Пари-Журналь». И прошу вас, не провожайте меня! Здесь недалеко, я доберусь сама.

Близость красивой женщины кружила голову, от нее пахло ароматом лесных цветов. Интересно, она знает о том, насколько она хороша? Подозревает ли она о своей власти над мужчинами?

– Как скажете, но я уверен, что мы не расстанемся надолго.

Женщина едва улыбнулась и быстрой походкой, насколько ей позволяло зауженное книзу платье, направилась к угловому зданию с вывеской «Пари-Журналь».

Глава 3

15 апреля 1452 года, Винчи. Я назову его Леонардо

Роженица лежала на узкой деревянной кровати подле высокого узкого оконца, укрытая тонким холщовым одеялом. Лицо бледное, измученное, на высоком широком лбу обильно проступали бисеринки пота. Прикрыв отяжелевшие веки, женщина протяжно застонала, а две свечи, стоявшие в изголовье, пустили под самый потолок облачко копоти.

– За доктором послали? – строго спросила тощая старуха с высушенным желтым лицом у хозяйки дома – крепкой черноволосой женщины.

– Послали, – отвечала одна из женщин, находившихся в комнате, – вот только никак не является.

– Наш доктор все время так, – недовольно пробубнила старуха, – когда он нужен, так никогда его не дождешься. Наверное, опять где-нибудь с приятелями в трактире сидит.

Старуха присела на стул рядом с роженицей и, растянув бесцветные губы в щербатой улыбке, спросила:

– Как ты себя чувствуешь, деточка?

– Болит, – пожаловалась роженица, – внизу живота...

Отхлынувшие воды на какое-то время принесли облегчение, а потом вновь, скривившись от новой раздирающей боли, Катерина завопила в голос:

– Не могу более!

– Конечно, милая, ты ведь рожать собралась. Без боли ребеночка не родить. – Потрогав упругий живот роженицы, старуха неодобрительно покачала головой: – Ребенок очень большой, как бы не перевернулся. Вот что, ждать больше не будем. А то совсем худо станет... Литта, принесите кувшин с водой.

– Сейчас! – Придерживая длинное платье, девушка выскочила за порог.

Через открывшуюся на мгновение дверь в комнату хлынул поток весеннего воздуха, остудив покрасневшее лицо роженицы. Через минуту девушка вернулась с кувшином и протянула его старухе.

Взяв кувшин, старуха заглянула женщине в глаза, расширенные от боли.

– Ничего, Катерина, потерпи, скоро все закончится.

– Моченьки моей больше нет терпеть, что же он меня так мучает! – прошелестела она пересохшими губами.

– Это всегда так бывает, значит, потом много радости принесет. Ну-ка, деточка, подними головку, испей водицы, – поднесла она ко рту роженицы чашку с водой. Заливая белую рубашку, роженица сделала несколько судорожных глотков. – Вот так, миленькая, вот так... Отпей еще.

Катерина вдруг выгнулась и закричала, расплескав на подушку остатки воды.

– Ой, не могу! Розалина, голубушка, сделай же что-нибудь!

– Сейчас, милая, сейчас! – забеспокоилась старуха. – Стянув с роженицы одеяло, сказала: – Ноги согни, дуреха! Ноги... Вот так. А теперь тужься, милая, что есть силы тужься!

– Больно мне! – завопила Катерина.

– Потерпи, немного осталось... А вот и головка его показалась... Пошел, сердешный, – протянула повитуха ладони. – Сейчас я его вытяну. Эх, ты!.. Еще и не с такими справлялась! Все хорошо будет! Потерпи малость. Эх, какой громадный уродился, – всерьез подивилась старуха. На лице разродившейся женщины отразилось блаженство. Пересохшие губы растянулись в улыбку. – Сейчас мы тебя освободим, милочка, – пообещала старуха и коротким несильным ударом отсекала остро заточенным ножом пуповину, предоставив младенцу свободу. Младенец сморщил красное личико и громко закричал.

– Сынок у тебя родился, – старуха поднесла ребенка к лицу Катерины. – Посмотри, какой он у тебя красивый. Копия мессер Пьеро!

Дверь с шумом распахнулась и в комнату вошел доктор в темном плаще с капюшоном. Следом за ним проскользнула молодая румяная девушка:

– Сюда, доктор.

– Ну-с, где роженица? – слеповато глянул он по сторонам.

– Разродилась Екатерина, – посмотрела на вошедших Розалина. – Мальчик у нее!

– А я-то думал. Оно и славно.... – спокойно отреагировал доктор.

– Ну чего стоишь, Литта? – повернулась повитуха к девушке. – Беги к мессеру Пьеро, порадай его вестью о сыне. Глядишь, отрезом на платье пожалует.

– Бегу, Розалия, – обрадованно пискнула девушка. И опрометью бросилась в распахнутую дверь.

– Да смотри не упали, – напутствовала старуха, – а то лоб расшибешь!

* * *

– Мессер Пьеро! У вас родился сын! – вбежав в комнату нотариуса, восторженно воскликнула Литта.

Новость о рождении сына мессер Пьеро встретил безмятежно, если не сказать равнодушно. Не обремененный брачный узами, он мог назвать еще три дома в Винчи, где за прошедшие два года у него родились наследники. Их появление на свет никак не повлияло на его судьбу и не прибавило оснований для радости. Принадлежавший к потомственным нотариусам, мессер Пьеро мог позволить себе некоторые флиртующие, а так как он был мужчиной видным и весьма состоятельным, то редко какой девушке удавалось устоять перед его обаянием и настойчивыми ухаживаниями. Но с Екатериной, в отличие от прежних его возлюбленных, Пьеро связывали длительные отношения и в Винчи упорно говорили о том, что после рождения ребенка он непременно на ней женится.

Едва улыбнувшись, мессер подошел к буфету, где в высоких стеклянных бутылках настаивалось домашнее вино, и разлил его в два высоких бокала. Девушка, не решаясь пройти в комнату, дожидаясь ответных слов Пьеро. Ободряюще улыбнувшись, Пьеро взял бокал и, протянув один из них девушке, спросил:

– Как тебя звать?

– Литта.

– Давай выпьем, Литта.

– Господин Пьеро, я не пью, – отрицательно покачала головой девушка.

– Ты не хочешь выпить за рождение моего сына? – нахмурившись, спросил Пьеро.

– Разве только один глоток, – смущенно произнесла девушка, сдаваясь.

– За здоровье младенца пьют всегда до конца, – напомнил Пьеро. – Неужели ты хочешь, чтобы мой наследник заболел?

– Как вы могли о таком подумать, мессер Пьеро! – обиделась девушка, взяв у нотариуса бокал.

– Вот и прекрасно! – весело произнес Пьеро, слегка дотронувшись краем бокала до ее фужера, извлекая тонкий звон.

Выпив содержимое в три глотка, мессер ревностно проследил за тем, как девушка выпивает вино. Последние глотки давались ей с трудом, но она, преодолевая отвращение, влиwała в себя напиток.

– Еще немного! Вот так, – удовлетворенно произнес Пьеро, забирая у девушки пустой бокал. – Уверен, теперь он будет здоров!

– Кажется, я опьянела, – произнесла Литта. – Вино очень крепкое. Меня не держат ноги.

– Тебе нужно ненадолго прилечь, – проявил участие Пьеро. – Давай я провожу тебя в спальню.

– Я зашла к вам на минутку.

– Тебя никто и не задерживает. Немножечко полежишь, придешь в себя, а потом пойдешь по своим делам.

Бережно ухватив девушку за талию, Пьеро провел ее в смежную комнату.

– Вот сюда, тебе здесь понравится.

– Господин Пьеро, я падаю, – девушка обхватила шею мессера. – Даже не знаю, что со мной.

– Ничего страшного, я тебя поддержу, – взяв девушку на руки, сказал мессер, – это всего лишь вино.

Он подошел к кровати и аккуратно положил ее на темно-красное покрывало. Горячее девичье дыхание невероятно волновало его, обжигало кожу.

– Ты прекрасна, Литта, – произнес Пьеро, поцеловав обнаженные плечи.

Темно-каштановые волосы девушки разметались на атласной подушке. Крупные карие глаза взирали на него снизу вверх в покорном ожидании, серебряная цепочка с крохотным распятием упряталась под прозрачную блузу. Тугая ткань платья обтягивала крепкую девичью грудь, и не будь на них прочных тесемок, сплетенных в узор, платье с треском разошлось бы по швам.

Лицо у девушки было скуластое, с аккуратным заостренным маленьким подбородком; нос прямой, чуть удлиненный, с чувствительными ноздрями; лоб высокий, выпуклый, а кожа, подсвеченная многими свечами, выглядела матово-желтой.

– Я хочу посмотреть на тебя всю, – признался Пьеро, все более волнуясь.

Поспешно расстегнув на девушке блузу, он провел ладонью по длинной шее и, преодолев с ее стороны легкое сопротивление, потянул за тесемки платья. Освободив аккуратную высокую грудь, он принялся ласкать ее пальцами, наблюдая за увеличивающимися багровыми пятнами на шее, а потом поцеловал каждый сосок.

Стянув платье с девушки, взиравшей на него со страхом и желанием, Пьеро невольно воскликнул:

– Бог ты мой! Я в жизни не видел ничего прекраснее!

– Господин Пьеро, вы так говорите всем своим женщинам?

Приложив палец к губам девушки, Пьеро произнес:

– Только прошу тебя, больше не говори ни слова.

Сняв камзол, мессер аккуратно перекинул его через спинку стула и лег рядом с Литтой, почувствовав прохладу ее ног.

– Ты вся дрожишь, – заметил Пьеро, касаясь ее обнаженного живота.

– Со мной такое впервые, – призналась девушка. – Я боюсь...

– Я знаю... Обещаю, Литта, быть с тобой нежным. А теперь немного потерпи, – Пьеро повернулся, почувствовав под собой еще никем не тронутое девичье тело...

* * *

– Надеюсь, я тебя не разочаровал? – спросил мессер, надевая камзол.

– Мне не с чем сравнивать, господин Пьеро, – потупила взор Литта.

– Да, конечно...

– Как вы назовете своего сына? – спросила девушка, поднимая со стула свое платье. В Литте проснулось чувство вины, и хотелось как можно быстрее скрыть наготу.

Вопрос застал мессера врасплох. На его любовные приключения местные красавицы смотрели весьма снисходительно, зная, что, кроме ласк, каждую из них он задаривал дорогой

одеждой, обеспечивал деньгами. Две из них в прошлом году от любвеобильного нотариуса благополучно разродились дочерьми, которых Пьеро назвал Биатриче и Лизой. Каждая из матерей и сейчас не была обделена вниманием Пьеро, взявшего на себя все расходы по содержанию детей. Никто не сомневался, что так будет и в этот раз, тем более что Катерина родила мальчика.

– Пожалуй, я назову его Леонардо, – уверенно проговорил Пьеро. – С греческого это означает подобный льву. Леонардо да Винчи.

Достав из комода кожаный кошель, мессер развязал шнур и, отсчитав сто пятьдесят дукатов, протянул его девушке.

– Пятьдесят дукатов можешь оставить себе... Эта плата за твою красоту, а остальное передай Катерине. Скажи, что я появлюсь у нее послезавтра.

– Хорошо, господин Пьеро, – ответила девушка. – А что же в таком случае вы будете делать завтра?

Мессер положил ладони на плечи девушки, еще не остывшие от его поцелуев.

– Завтра я хотел бы побыть с тобой. Ты получишь еще столько же, если согласишься прийти.

– Хорошо, господин Пьеро, – слегка поклонилась Литта, – я буду у вас.

Закрыв за девушкой дверь, Пьеро подошел к расправленной кровати и накинул на испачканную простыню покрывало (будет теперь прачкам работа!). Криво усмехнувшись, подумал: «Если бы кровать умела разговаривать, так поведала бы немало трогательных любовных историй».

Пьеро налил себе бокал вина и выпил одним махом. Красивое сухощавое лицо нотариуса тронула легкая надменная улыбка. Сын... Что ж, подобное происходит не каждый день, событие надо отметить по-настоящему – следует угостить друзей хорошим сладким вином!

Счастливо улыбнувшись, он подумал о том, что вряд ли кто из его приятелей может похвастаться столь значительным потомством в двадцатипятилетнем возрасте.

* * *

Дверь неожиданно распахнулась и в комнату вошел отец – нескладный долговязый мужчина лет пятидесяти пяти с длинными руками и дынеобразной головой. Высохшее ссутулившееся тело пряталось под синим плащом; на тощих ногах туфли с большой золоченой пряжкой и загнутым носком. Макушку покрывала бархатная черная шапочка, из-под нее, напоминая проволоку, торчали желтого цвета волосы, из-за которых в городе его прозвали Соломенный Беллини.

Глянув на смятую кровать, Беллини, неприязненно поморщившись, укорил:

– Не хотел бы я вмешиваться в твою жизнь, Пьеро, ты уже взрослый человек и имеешь право на собственную жизнь...

– Я это знаю, отец.

– На лестнице мне попала девушка, просто я хотел у тебя спросить, это случайно не твоя...

– Можешь не продолжать, отец, – быстро произнес Пьеро, – эту девушку зовут Литта. Я встречаюсь с ней уже полгода.

– Ах вот как, – безрадостно протянул Беллини, осмотрев стул, стоявший рядом. Тонкие ножки, изогнутые в виде звериных лап, выглядели невероятно хрупкими. Существовал риск, что они прогнутся под нелегкой ношей и беспомощно разойдутся в стороны.

Соломенный Беллини решил рискнуть: пододвинув к себе стул, он осторожно на него присел. Дощечки, выразив неудовольствие, лишь коротко пискнули.

– Но, кажется, у тебя была Катерина? Ты с ней расстался?

– Она родила мне сына... Как же я могу отказаться от него?

– Все правильно, я как раз хотел с тобой поговорить об этом, – голос отца оттаял. – Городок у нас небольшой, каждый человек на виду. Тем более наша семья, потомственные нотариусы... Сейчас в городе много судачат о тебе и Катерине. Я бы не хотел, чтобы о нашей семье говорили плохо. Это может скверно отразиться на нашем семейном деле.

– Ты предлагаешь оставить Катерину? – удивился Пьеро, присаживаясь рядом.

Комната была залита солнечным светом, и Пьеро имел возможность рассмотреть на лице отца каждую пору. Увидел, что за последний год тот изрядно постарел и рыжая борода, всегда являвшаяся предметом его гордости, значительно посеребрилась, а под глазами, ставшими вдруг печальными, набухли темные старческие мешки.

Сердце Пьеро болезненно кольнуло от жалости, – отца он любил.

– Ты неправильно меня понял, Пьеро, – примирительно продолжал Соломенный Беллини. – Грех оставлять родных детей, пусть даже незаконнорожденных. Дело в другом... Я пришел тебе сказать, что ты должен жениться.

– Но, отец, ведь я...

– И не спорь со мной! – в голосе отца прозвучал металлические нотки. В такие минуты возражать ему было нельзя. – Уже все решено. Ты женишься на дочери судьи, шестнадцатилетней Анжеле, несравненной Анжеле. Она сущий ангел, – губы старика разошлись в мечтательной улыбке. – И знаешь, я тебе где-то даже завидую.

– Хорошо, отец. Когда же свадьба?

– Через месяц. Времени вполне достаточно, чтобы подготовиться к женитьбе.

– А что же делать с Катериной и сыном?

Вопрос не застал Беллини врасплох, к предстоящему разговору с сыном он подготовился обстоятельно:

– Я думаю, что им лучше всего на время съехать из Винчи. Мне бы не хотелось, чтобы на моего незаконнорожденного внука показывали пальцем. Лучше всего им отправиться в деревню Анхиано, там живет мой кузен, он присмотрит за ними.

Глава 4

22 августа 1911 года. Париж. Где «Мона Лиза»?

Луи Дюбретон подошел к зеркалу и застегнул черный выходной сюртук на все пуговицы, затем тщательно повязал на шее желтый атласный галстук. Поморщился – явно не в тон! К черному цвету подходит что-нибудь понейтральнее, не столь вызывающее. После некоторых колебаний он предпочел синий галстук в тонкую белую полоску. Отошел на два шага от зеркала, чтобы осмотреть себя в полный рост, и остался доволен: черный сюртук и визитные полосатые брюки с высоким цилиндром выгодно подчеркивали его стройную ладную фигуру.

Весьма, весьма!

Для завершения облачения требовался штришок, который не будет бросаться в глаза и вместе с тем еще более подчеркнет выходной костюм. Открыв шкаф, Луи Дюбретон вытащил трость из черного коралла, инкрустированную золотом. То, что требуется! Теперь можно выходить.

Сложив карандаши и эскизы в папку, Луи Дюбретон вышел из дома и, поймав проезжавший мимо экипаж, распорядился:

– До Лувра, любезнейший! Домчишь быстрее – получишь сверху пятьдесят сантимов, – пообещал Дюбретон.

– Оглянуться не успеете, как домчу, – заверил кучер, энергично взмахнув вожжами.

За последнюю неделю это был четвертый визит в Лувр.

Не останавливаясь перед прочими выдающимися экспозициями, он по длинному коридору напрямик направился в «Квадратный салон», где размещалась «Мона Лиза». Луи работал над написанием картины «Мона Лиза» в Лувре и терпеливо, не обращая внимания на посетителей, заглядывающих через плечо, делал эскизы. Оставалось всего-то поймать ее знаменитый печально-улыбающийся взгляд, и можно было считать, что задумка исполнена.

Замысел картины к нему пришел давно, в тот самый момент, когда он впервые перешагнул Лувр и самая знаменитая женщина мира буквально пленила его своим взглядом. Но у холста все время стояли почитатели, кто с любопытством, а кто с откровенным изумлением взиравшие на полотно. Равнодушных не находилось. Оставалось лишь удивляться, каким это чудным образом картина, написанная четыре столетия назад, не имевшая ничего общего с наступившей действительностью, продолжала будоражить воображение современников.

Гений Леонардо да Винчи сумел преодолеть запредельное: проник туда, куда доступ простым смертным был запрещен, пересек границу непостижимого и остался навсегда в современности со своими творениями. При этом великий тосканец поднял планку мирового художественного творчества на такую высоту, что просто уничтожил своим гением многие поколения художников, пришедших после него, но так и не сумевших своим дарованием дотянуться даже до его пояса.

В бесшабашную юность из-за этой картины Луи Дюбретон хотел переехать в Париж, тайне рассчитывая заполучить от Леонардо да Винчи хотя бы искорку его гениальности.

Направляясь в Лувр к картине «Мона Лиза», Луи Дюбретон одевался во все самое лучшее из уважения как к величайшему творению, так и к его гениальному создателю. Всякий раз, когда он пребывал перед картиной, тщательно копируя ее, он испытывал значительное волнение, неизменно его вдохновлявшее. Так должно быть и на этот раз...

Луи почувствовал, как при подходе к «Квадратному салону», где долгие годы висела «Мона Лиза», учащенно забилося сердце. Слегка умерив шаг, Луи Дюбретон даже принялся считать шаги. Эту дорогу он помнил наизусть и мог бы дойти до картины даже с закрытыми глазами.

А вот и «Квадратный салон»... Луи Дюбретон уверенно пересек зал и в недоумении остановился подле того места, где должна была висеть «Мона Лиза». Вместо картины было всего-то четыре металлических колышка, на которых некогда висела «Мона Лиза».

– Проклятье! – невольно чертыхнулся копиист.

Служащие сняли картину, даже не предупредив. А ведь он проснулся в самую рань специально только для того, чтобы рисовать «Джоконду» в одиночестве; чтобы не слышать едких замечаний посетителей о том, что копия значительно уступает оригиналу. Порой они назойливы и возникает желание поломать кисточки о головы критиков.

Луи Дюбретон испытал неподдельное разочарование. Встреча с прекрасным откладывалась на неопределенное время.

– Послушайте, – обратился художник к смотрительнице, худой, преклонного возраста женщине, сидящей на стуле в углу зала. – Вы не могли бы мне подсказать, куда подевалась «Мона Лиза»?

Подслеповато глянув на подошедшего художника, она произнесла:

– Что, простите?

Луи Дюбретон невольно закатил глаза: старушка не только подслеповатая, но еще и глухая – и этому чудовищу доверяют оберегать величайшую картину мира. Будь он служителем музея, так не отошел бы от шедевра ни на шаг.

– Мадам, я хотел у вас поинтересоваться, где картина «Мона Лиза»? – указал художник рукой на свободное место между двумя картинами.

Пробудившись от грез, старуха с удивлением воззрилась на четыре колышка, на которых прежде висела картина. Поднявшись со стула, она подошла к стене, как если бы хотела убедиться, что это вовсе не обман зрения, не фокусы иллюзионистов, не игра воображения. Однако картина не материализовалась. Ее просто не было!

– Странно, – удивленно проговорила смотрительница. – Куда же она подевалась?

Губы Луи Дюбретона невольно скривились в ядовитую насмешку: смотрительница говорила так, будто разговор шел не о великой картине, а о франке, закатившемся под диван.

– Именно это я и хотел у вас выяснить.

– Но ведь «Мона Лиза» все время висела на этом самом месте, – продолжала удивляться старуха, показывая на торчавшие из стены колышки.

– Я полностью с вами согласен. А может, ее украли? – смело предположил художник.

И вдруг неожиданно для самого себя разволновался от высказанного предположения. Галстук вдруг сделался невыносимо тесным, и он рывком ослабил узел.

Старушка рассмеялась мелким неприятным смешком.

– Занятная шутка! Вы это всерьез?

– Я вовсе не шучу, мадам, – голос художника окреп. – Это вполне могло произойти.

– Это каким же образом, молодой человек? – сурово спросила старушка, посмотрев на Луи Дюбретона поверх очков.

– Самым обыкновенным. Любой из посетителей мог снять ее со стены, затем сунуть в мешок и вынести из здания.

– Здесь есть смотрители, хранители, – боевито уперла она руки в бока. – Охрана, наконец! И вы думаете, они позволят вынести?

В старушке понемногу просыпался демон. Не самая подходящая минута, чтобы вступить с ней в перепалку, но Луи Дюбретона было уже не остановить.

– Извините, мадам, но какой от вас может быть толк, если вы сидите в своем углу и не видите дальше своего носа?

– А вы нахал, молодой человек! – взвизгнула старуха. – Сегодня же я обращусь к господину директору, чтобы он распорядился не пускать вас больше в музей!

Продолжать разговор дальше не имело смысла. Подхватив под мышку папку, художник вышел из «Квадратного салона» и быстрым шагом направился в служебное помещение, где размещался кабинет начальника охраны.

Служебные помещения Лувра как бы существовали отдельно от музея. Не уступавшие ему по площади, они представляли собой изолированный мир, совершенно незнакомый посетителю, со сложной системой переходов, длинных извилистых коридоров и потайных дверей. Возможно, что он был не столь торжественным и помпезным, как представительская, центральная, часть музея, – с залами, заполненными впечатляющими картинами, гравюрами и статуями великих мастеров прошлых исторических эпох, – но не менее интересная. В служебных помещениях музея существовала своя жизнь, которая не была видна посетителям музея, здесь пребывала административная служба, охрана, реставраторы и все те, кому вменялось следить за блеском фасада музея. Впечатляли многочисленные узкие коридоры, зачастую лишенные лоска, собственно, они были точно такими же, какими существовали сотни лет, невольно погружая в атмосферу средневековой Франции, и по которым можно было кратчайшим путем пройти из одного корпуса до другого. Узкие коридоры как будто были нужны для того, чтобы перемещаться по временным эпохам.

Потянув на себя служебную дверь, Луи Дюбретон оказался во времени Ренессанса. На овальном потолке, затертом толстым слоем штукатурки, просматривались фрагменты фрески «Тайная вечеря», нарисованной неизвестным мастером эпохи Возрождения. Лица были изображены настолько искусно, отражая противоречивые эмоции памятного вечера, что их можно было принять за живые. А вот одежды апостолов лишь неряшливо собраны в складки, как если бы их расписывали подмастерья. Кто знает, может быть, так оно и было в действительности.

Луи Дюбретон прошел по небольшому холодному коридору и остановился перед высокой деревянной дверью со старинной медной ручкой. Прежде в этом крыле проживали фрейлины королевы, и, дотронувшись до металлической поверхности, Луи Дюбретон невольно подумал о многих поколениях любовников, что тайком, со свечой в руках пробирались темными коридорами к своим возлюбленным. Сейчас в этой комнате находился кабинет начальника охраны, добродушного сорокапятилетнего здоровяка Пьера Мориса.

Коротко постучавшись, художник дождался снисходительного «войдите» и, приоткрыв нешироко дверь, прошел в комнату.

Круглый, краснощекий (не то от благодушного настроения, не то от выпитого бургундского), он располагал к себе с первого же взгляда, и у Луи с начальником охраны сложилось нечто вроде приятельских отношений.

– О-о, Луи, дружище! Какими судьбами? – удивился Пьер Морис. – Опять пришел рисовать «Мону Лизу»? Она тебя явно очаровала. – Неожиданно сделавшись серьезным, добавил: – Впрочем, не только одного тебя. Я тут тебе такое могу порассказать...

– Господин Морис, картина...

– А может, ты хочешь нарисовать с нее копию и продать ее как подлинник какому-нибудь американскому толстосуму? – погрозил пальцем Пьер Морис, добродушно улыбаясь. Заметив, как сконфузился художник, миролюбиво произнес: – Ну что ты в самом деле? И пошутить нельзя? Так в чем там у тебя дело?

– Господин Морис, «Моны Лизы» нет на своем месте, – приглушенно произнес Луи Дюбретон.

– Что значит «нет»? – рыжеватые ресницы начальника охраны невольно затрепетали, как если бы их потревожил ветер.

– Я пришел, чтобы дорисовать копию, а вместо нее увидел только пустую стену, – развел он руками.

– Забавно, однако! Ха-ха-ха! – энергично рассмеялся Пьер Морис. – Ты меня рассмешил. Хочешь сказать, что картину «Мона Лиза» кто-то украл? Я правильно тебя понимаю? Никогда не подозревал, что ты такой шутник. Да ты присаживайся, чего стоишь.

Луи Дюбретон потерянно опустил на стул.

– Признавайся, любезный Луи, ты, видно, вчера очень хорошо провел время, вот тебе и мерещится всякая чертовщина. У нас в музее ничего не пропадает, тем более «Мона Лиза». Ты давай прими со мной рюмочку, подлечи голову, а там все встанет на свое место. – Достав из шкафа две рюмки и бутылку «Бордо», он аккуратно налил вино в приборы по самую кромку.

– Послушайте, господин Морис, я прекрасно себя чувствую, мне не нужно никакого «Бордо»! – протестуя отставил он от себя рюмку с вином.

– И все-таки ты его выпей, – настаивал Морис.

– Даже если я сейчас выпью, то картина вряд ли появится!

– Эх, знаю я вас, художников, сначала всю ночь курят абсент, а потом мерещится невеста что!

Покосившись на разлитое в рюмки вино, начальник охраны взял стопку за длинную ножку, после чего аккуратно выпил содержимое в два глотка.

– Господин Морис, я вас умоляю пройти со мной в «Квадратный салон» и убедиться, что «Моны Лизы» на месте нет.

Промокнув салфеткой испачканные губы, произнес:

– Что ты с ним будешь делать! Давай взглянем.

Спрятав фужеры с бутылкой вина в стол, Пьер Морис вышел из кабинета, увлекая за собой художника. Вышагивая по паркету, он повел его по длинному коридору, где прежде бывать Луи не доводилось.

– Ты женат, Луи? – неожиданно спросил начальник охраны.

Уверенные шаги начальника охраны гулко звучали в пустынном коридоре. Луи Дюбретон с живым интересом разглядывал росписи на стенах. Надо полагать, что к ним приложило руку не одно поколение художников. Поражало другое: через многослойную мазию неизвестных придворных художников неожиданно проглядывали творения великих мастеров, заставлявшие приостанавливаться.

Лувр хранил немало секретов, в том числе и тайну настенной росписи, и Луи Дюбретон невольно поежился при мысли, что в это самое время за ним наблюдают толпы привидений почивших художников. Странно, что подобного не чувствовал начальник охраны, – энергично стуча по ореховому полу подковками, он заставлял приведения в страхе шарахаться по сторонам.

– Не женат, но у меня есть любимая девушка.

– Вот видишь, не женат, – довольно протянул Пьер. – А если была бы семья: жена, дети, то это ко многому бы тебя обязывало... Иначе сказать, тебе было бы чем заняться. Ну да ладно, что с тобой поделаешь, – обреченно отмахнулся начальник охраны.

Прошли в «Квадратный салон». Там, где прежде висела картина «Мона Лиза», неприглядно зияла пустота.

– Ну что я вам говорил? – сказал художник, указав на свободное место между двумя картинами.

Пьер Морис выглядел слегка озадаченным. Чувствовалось, что в этот самый момент ему не хватает бутылки «Бордо», спрятанной в столе кабинета. По несколько раз в день он проходил через «Квадратный салон», не обращая никакого внимания на развешанные картины. Большею частью он их просто не различал, впрочем, как и остальные полотна, висевшие в других коридорах. Для него они были нечто вроде декора или обоев в комнате, когда к ним привыкаешь, и вот теперь он вдруг сделал для себя неожиданное открытие – стена без «Моны Лизы» выглядела пустой и невероятно уродливой.

Скривив губы, Пьер Морис пристально рассматривал четыре крюка, торчавших из стены. К своему немалому удивлению он обнаружил, что те были ржавыми и бросали вызов великолепию полотен, развешанных в «Квадратном салоне». «Интересно, где они взяли такие безобразные крюки? – пришла первая мысль. – Наверняка отвернули в каком-нибудь клозете. Уж для картины Леонардо да Винчи могли бы подобрать нечто более эстетичное».

Неожиданно губы начальника охраны разлепились в довольной улыбке. Повернувшись к расстроенному художнику, он проговорил:

– Как же я мог запечатлеть? Какое у нас сегодня число?

– Двадцать второе августа, – удивленно отозвался художник. – А что?

– Ну, вот видишь! – обрадованно продолжал начальник охраны. – Именно в этот день ее должны были забрать фотографы.

– Какие еще фотографы? Почему же мне не сказали об этом, ведь я копирую картину каждый день?

– Ну, знаешь ли, – вплеснул руками Морис.

– И для чего она им?

– Они делают альбом, состоящий из картин Лувра, и у них есть разрешение брать любое полотно. Им здесь в Лувре выделили отдельную комнату.

– Но когда они успели? – изумился Луи. – Я пришел с открытием музея, а картины уже не было.

Пьер Морис нахмурился. Этот художник его изрядно раздражал, а ведь при знакомстве показался весьма симпатичным малым.

– Ее забрали вчера.

– Но ведь вчера был санитарный день и Лувр был закрыт!

– Значит, они ее забрали позавчера, – нашелся Морис.

– Но позавчера я рисовал картину до самого закрытия Лувра и ушел последним. Никаких фотографов я не видел.

До чего же он может быть надоедливым!

– Значит, они пришли ночью и забрали картину, у них есть договоренность с господином директором, – раздраженно произнес начальник охраны, давая понять, что вопрос закрыт.

– Господин директор решил отдать им картину ночью? – обескураженно переспросил Луи Дюбретон.

– Да, именно так. У тебя есть еще какие-нибудь вопросы?

Художник лишь пожал плечами. Удовлетворенно кивнув, Пьер Морис сказал:

– Завтра подскажу главному хранителю, чтобы на место «Моны Лизы» повесили какую-нибудь другую картину. А то эта пустота весьма скверно действует на мое настроение.

Едва кивнув на прощание, начальник охраны зашагал в свой кабинет, где его дожидалась недопитая бутылка «Бордо».

– Проклятье! – невольно выругался Луи Дюбретон, посмотрев на пустующее место между двумя полотнами, где еще позавчера висела картина Леонардо да Винчи.

– Что вы сказали? – подошла смотрительница и смерила художника недовольным взглядом.

– Я говорю, что вы сегодня замечательно выглядите, – буркнул Луи Дюбретон и поплелся прочь из зала.

Прояснить ситуацию с исчезновением «Моны Лизы» мог главный хранитель музея – Фернан Луарет, проработавший в музее без малого тридцать лет. Прирожденный искусствовед, знавший историю едва ли не каждой картины, помещенной в Лувре, он сочетал в себе обширность знаний с недюжинными организаторскими способностями, и, как шутили сотрудники музея, без его ведома не шевелился даже веник. Фернан Луарет без конца что-то организовывал и выдумывал, чтобы улучшить представленные экспозиции. Порой он превращал Лувр

в одну большую строительную площадку, чем несказанно раздражал не только сотрудников, вынужденных перешагивать через сваленные в коридорах доски и брусья, но и посетителей, которым невозможно было прислониться без боязни, чтобы не вляпаться в искусство вечерними и выходными костюмами. Как бы там ни было, но дело понемногу двигалось, и залы, сбросив с себя паутину лесов, вскоре представляли в обновленном виде.

Омаль Теофиль, являясь директором Лувра, в действительности больше исполнял представительские функции: любил встречать многочисленные международные делегации, что неизменно посещали Лувр; не упускал возможности предстать в обществе видных политиков и вел себя таким образом, как если бы намеревался в ближайшие недели перебраться в кресло премьера. Или, по крайней мере, министра. А потому он с удовольствием спихивал организаторское бремя на своего незаметного, но такого незаменимого помощника. Так что в действительности истинным хозяином Лувра являлся господин Фернан Луарет.

Глава 5

Вызывайте полицию!

Кабинет Фернана Луарета располагался на втором этаже близ древнегреческой экспозиции, через окна просматривался прекрасный вид – широкий двор, разделенный идеально прямыми аллеями. Может быть, именно поэтому главного хранителя нередко можно было увидеть, стоящим у окна со сложенными на груди руками. Фернан Луарет не чурался мечтательности, хотя среди маляров и штукатуров его можно было встретить гораздо чаще, чем в собственном кабинете.

Дюбретон прошел по длинному коридору, по обе стороны которого висела нескончаемая череда шедевров многих стран и различных исторических эпох. На подставках стояли бюсты великих политиков и полководцев, о которых нынешнее поколение людей даже не слышало; по углам были установлены скульптуры античных богов и богинь, и всякий, кто на них взирал, ощущал собственное несовершенство.

Луи спустился по широкой мраморной лестнице на один пролет вниз и, нырнув в небольшой узкий коридор, остановился перед небольшой дверью. Сдержанно постучавшись, терпеливо дождался приглашения и вошел в кабинет главного хранителя, крохотный, будто бы монашеский, чулан. Из роскоши в кабинете только лишь медная пепельница, лежавшая в центре стола, заполненная окурками (надо полагать, что место ее было среди организованного хаоса, названного музеем, но по капризу случая она оказалась в кабинете Фернана Луарета), и темно-синий костюм господина хранителя, в котором он, собственно, и пребывал.

Впрочем, в комнате была еще одна достопримечательность – фикус, стоявший в самом углу кабинета. Огромный, с широченными листьями, поднимавшийся под самый потолок, он вполне мог быть современником египетских пирамид. Поглядывая на эту зелень, невольно возникало ощущение, что Фернан Луарет расположился в тропическом лесу.

– Чем могу быть полезен? – холодно произнес главный хранитель, увидев посетителя.

Учитывая, наполненную холодом фразу можно было воспринимать как проявление откровенного недовольства: «Я весьма занят, и если у вас нет ко мне серьезного дела, так можете проваливать на все четыре стороны».

– Господин главный хранитель, я художник... – начал было Луи Дюбретон.

– Я знаю, кто вы такой, – неожиданно ответил Фернан Луарет, – мне уже докладывали о вас. Вы копируете «Мону Лизу». Вы весьма искусный копиист. Мне приходилось видеть и ваши картины, они выставлены в художественном салоне у мадам Морини.

Луи Дюбретон выглядел слегка смущенным: оказывается, его популярность распространяется гораздо дальше «Квадратного салона». Действительно, он выставил две картины в одном модном салоне, но вот никак не думал, что на них обратят внимание.

– Совершенно верно, я передал ей кое-какие картины. А потом мы с ней договорились...

– Так что вы хотели мне сообщить? – перебил хранитель, давая понять, что время дорого. – Вы закончили копировать картину?

– Не закончил, господин Луарет. Сегодня «Моны Лизы» на месте не оказалось.

Фернан Луарет внимательно посмотрел на художника. На полоумного тот не походил; в нем не было ничего такого, что роднило бы его с уличными художниками, околачивающимися на Монмартре. Вполне респектабельная внешность преуспевающего человека. Правда, галстук оказался немного не в тон сюртуку, но такую погрешность можно назвать нарочитой небрежностью. Сейчас неаккуратность весьма популярна в среде художников.

– Что значит «не оказалось»?

– Ее нет на месте. Там пусто! Вместо картины четыре ржавых колышка. Я спрашивал у смотрительницы, но она не знает, где находится картина.

- Вы говорили об этом с господином Морисом, начальником охраны?
- Разговаривал. Начальник охраны сказал, что картину забрали фотографы.
- Кхм... Вот оно как... Что-то я об этом ничего не слышал. Минуточку, – полистав блокнот, он озабоченно хмыкнул: – Что-то у меня ничего по этому поводу не записано. А он случайно не сказал, к каким именно фотографиям отнесли картину?
- Он сказал, что они работают в Лувре.
- Может, это директор отдал распоряжение, о котором я ничего не знаю? – задумчиво протянул хранитель. – В нашем деле такое случается. Один говорит одно, другой распоряжается по-своему, а в результате потом невозможно отыскать концов. В этом музее никогда не будет порядка! Филипп! – громко позвал секретаря главный хранитель.
- Из соседней комнаты выскочил молодой человек лет двадцати.
- Слушаю, господин Луарет!
- Вот что, любезнейший. Позови ко мне в кабинет начальника охраны господина Мориса. Мне интересно знать, чем он там занимается.
- Слушаюсь, господин главный хранитель, – охотно откликнулся секретарь и тотчас исчез за дверью.
- Не прошло и пяти минут, как появился Пьер Морис.
- Огромный, краснощекий, он вплыл в кабинет непотопляемым кораблем, заслонив своим в два обхвата туловищем природу, произрастающую подле окна. В небольшой комнате его оказалось настолько много, что он занял половину помещения, отодвинув в глубину пространства главного хранителя с художником. Стоять рядом с такой машиной было неуютно.
- Что у вас там произошло? – перешел в атаку Фернан Луарет.
- Вы это о чем, господин Луарет? – безмятежно поинтересовался начальник охраны.
- Я вас спрашиваю, куда подевалась картина «Мона Лиза»?.. Да сядьте вы наконец, а то давите своими размерами!
- Толстяк под строгим взглядом хранителя будто бы скукожился и опустился на указанный стул. Так гигантский корабль раскалывается надвое, когда налетает на подводный риф.
- Я уже говорил вот этому молодому человеку, – кивнул он в сторону Луи, – картину забрали фотографы, они готовятся к какой-то выставке.
- Какие фотографии? Почему об этом ничего не знает главный хранитель музея? Из какой они газеты? Журнала? «Тан»? «Пари-Журналь»? «Ревю де Монд»? Мы вообще запрещаем выносить кому-либо картины из залов, что это за вольность?
- Начальник охраны выглядел растерянным. Вздыхнув, он заговорил:
- Никто и не выносил, господин главный хранитель. У них есть в Лувре своя комната, где они проводят съемку. Они забирают туда картины, а утром возвращают.
- Кто отдал такое распоряжение?
- Такое распоряжение отдал господин директор, – озадаченно протянул Пьер Морис. – Готовится альбом живописи музея Лувра, вот они и фотографируют наиболее ценные экспонаты. В последнее время они забирали «Мону Лизу» каждый вечер.
- Почему в таком случае они не принесли картину утром?
- Наверняка они не успели ее отснять.
- Хорошо. Где прячутся эти ваши фотографии? – раздраженно прервал Фернан Луарет.
- Около «дворика Сфинкса».
- Пойдемте к ним! Я хочу выслушать их объяснение, почему они так долго держат у себя «Мону Лизу».
- Распахнув дверь, хранитель размашистым шагом заторопился к «дворнику Сфинкса».
- Господин Луарет, разрешите мне пойти с вами? – увязался следом Луи Дюбретон.
- Что с вами поделаешь, пойдемте!

Фотостудия занимала просторное помещение с большими окнами, выходящими в сад, стены были увешаны отснятыми картинами и портретами. В центре мастерской, занимая почетное место, висела громадная фотография «Моны Лизы». Еще одно фото «Джоконды» столь же впечатляющих размеров лежало на столе. Склонившись к нему, фотограф с реденькой бородкой тщательно ретушировал сложенные ладони.

Не удивившись столь представительной делегации и, по всей видимости, не замечая волнения главного хранителя, мастер улыбнулся прямо ему в лицо и с энтузиазмом заговорил:

– Очень хорошо вас понимаю, господин Луарет, вы пришли взглянуть, как мы работаем. Сейчас я как раз ретуширую «Мону Лизу», но уверяю вас, это не последний вариант. Мне нужно отобрать еще полсотни снимков, чтобы определить, какой из них будет лучше. А уже потом можно будет составлять альбом...

– Господин Лемье, я бы хотел знать, где вы прячете «Мону Лизу»? – прервал фотографа главный хранитель Лувра.

– Что-то я вас не совсем понимаю, о чем вы говорите. Картина там, где ей и положено быть, – недоуменно захлопал глазами фотограф, – в «Квадратном салоне».

– Картины там нет!

– Что значит «нет»?

– А то, что она исчезла и никто не знает, где она находится!

– Позвольте, но я здесь при чем?

– Нам известно, что каждый вечер вы забирали ее к себе, чтобы сделать фотографии. Забирали и несколько дней назад. Так извольте нам объяснить, где она?! – взвизгнул главный хранитель Лувра.

– Извольте разговаривать со мной в надлежащем тоне! – вскинул заостренную бородку фотограф. – Я не брал картину. И вообще «Моной Лизой» я уже более не занимаюсь. Я отснял столько фотографических пластинок, что знаю ее теперь лучше, чем сам Леонардо да Винчи.

– Когда вы брали ее в последний раз? – вытер пот со лба главный хранитель, понимая, что происходит нечто непоправимое.

– Пять дней назад. Об этом имеется запись в ваших книгах. Можете спросить об этом у господина Пьера Мориса, он сам закрывал за мной дверь.

– Это так? – повернулся Фернан Луарет к сконфуженному толстяку.

– Да, кажется, это было в среду.

– А более он к вам не обращался? – Фернан Луарет попытался спрятать за высокими интонациями отчаяние.

– Не припоминаю.

– Господин главный хранитель, – шагнул вперед художник, обратив на себя внимание присутствующих. – А может быть, картина у реставраторов? Я как-то случайно слышал, что господин директор хотел передать ее им. Вот, взгляните, – поднял он со стола фотографию. – Правый уголок картины немного потемнел. Так бывает. С возрастом картина становится более темной, нужно просто очистить верхний слой лака.

– Я совершенно не пойму, что происходит! – в сердцах воскликнул Фернан Луарет. – Если господин директор действительно передал ее реставраторам, так почему не поставил в известность меня? Я хранитель музея и не знаю, где находится одна из главных достопримечательностей Лувра! Реставраторы на месте? – обратился он к начальнику охраны.

– На месте, господин Луарет. Я открыл им комнату пятнадцать минут назад.

– Вот и прекрасно! Пойдемте! А там разберемся что к чему.

Реставраторы занимали огромное помещение на первом этаже. Пол в реставрационном помещении был закапан краской различной расцветки, как если бы реставраторы писали картины заново. На стенах, выстроившись в длинную очередь, висели полотна, дожидаясь своего часа на обновление. Перед картиной Франсуа Буше «Купание Дианы» стоял с тонкой

кисточкой в руках главный реставратор Лувра господин Джорж Фроман. Поражало задумчивое вдохновенное лицо: невольно возникало впечатление, что он и есть истинный автор картины. Заметив вошедших, реставратор поставил кисточку в карманный стакан и заторопился на встречу, еще издали выставив для приветствия ладонь.

– Господин хранитель, я вам сразу хочу сказать, что я здесь ни при чем, – яростно потряс он руку Фернана Луарета.

– Как так «ни при чем»? – удивился Луарет проницательности главного реставратора. – А кто же тогда виноват?

– Просто произошло некоторое недоразумение...

– Вот как? Проясните!

– Мы работали над этой картиной целых полтора года, ни одной из картин мы не уделяли столько внимания, сколько этой. Но тут произошло досадное недоразумение, наш молодой реставратор снял слишком много лака с верхнего слоя красок. Поэтому тончайшая дымка, окутывающая картину, теперь не столь выразительна, как выглядела раньше.

Хранитель облегченно вздохнул, но его лицо продолжало оставаться строгим.

– Кхм, – кашлянул он в кулак. – И это все? Надеюсь, это не испортило идею картины?

– Наоборот, – яростно взмахнул руками реставратор. – Она стала еще привлекательнее. Там, где были выцветшие пасмурные тона, теперь предстали коричневые и лазурные цвета.

– Покажите, где картина.

– Так вот она, перед вами, – озадаченно протянул Джорж Фромен, махнув рукой в сторону картины «Купание Дианы».

– Что вы мне такое показываете? – багровея, спросил хранитель музея. – Я вас спрашиваю, где находится «Мона Лиза»?!

– А где она должна, по-вашему, находиться? Там, где ей и положено быть, в «Квадратном салоне», – недоуменно ответил реставратор.

– Ее там нет! Мне сообщили, что именно вы сейчас работаете с «Моной Лизой» и что именно сейчас она находится в вашей мастерской.

– Позвольте! Кто вам это сказал?! – возмущенно воскликнул реставратор. – Мы закончили работать с этой картиной еще два месяца назад.

– Так вы не знаете, где находится «Мона Лиза»? – обреченно спросил главный хранитель музея.

– Разумеется, не знаю.

– Что будем делать, господин Луарет? – с надеждой спросил начальник охраны. – Сообщим о происшествии господину директору?

– Сейчас его нет в Париже, – озабоченно протянул главный хранитель, – он находится на отдыхе в горах. Попробуем разобраться собственными силами. Сделайте вот что, сейчас немедленно выведите из музея всех посетителей и ищите картину по всем углам, по всем закоулкам! В подвалах, на чердаках, в подсобных помещениях, под лестницами, в кладовых, в запасниках! Не оставляйте без внимания ни один закуток. Возможно, похититель еще не успел вынести картину из здания, и она находится где-то в Лувре. Картина вместе с рамой весит почти сорок килограммов. Вынести ее из здания не так-то просто.

– Сделаем все возможное, господин Луарет, но что сказать посетителям? Сегодня их невероятно много.

– Мне плевать, что вы там будете им говорить! – вскипел главный хранитель. – Можете сказать, что в Лувре случился пожар. Хотя нет, не надо... А то завтра об этом раструбят все газеты Парижа... Можете сказать, что прорвало водопровод, главное, чтобы через пятнадцать минут в здании никого не было! Если, конечно, не хотите остаться без работы. Выполняйте!

– Слушаюсь, господин Луарет!

Толстяк, перекатываясь на коротеньких ножках, заторопился к выходу.

– Да пошевеливайтесь вы, черт вас возьми! – крикнул вдогонку рассерженный Луарет.
– А мне что делать, господин главный хранитель? – спросил Луи Дюбретон, с готовностью заглядывая в разгневанное лицо Луарета.
– А вы разве не слышали? Проваливать к черту!
– Но...
– Всем посторонним покинуть здание!
– Но ведь я могу вам...
– Если вы не уберетесь отсюда через минуту, то мне придется вызывать полицию! А уж она выпшвырнет вас за шиворот!

* * *

Никогда прежде охрана музея не была столь категоричной. Разбежавшись по этажам, охранники и вахтеры где уговорами, а где и окриком вытесняли посетителей из залов. Недовольных было много. Размахивая билетами, гости не желали покидать помещения, норовили перебежать в другой зал, где их также встречали несговорчивые служащие. Дело сдвинулось, когда запыхавшийся господин Морис во всеуслышание объявил, что верхние этажи Лувра уже затопило по колено, а в залах голландской живописи прорвало водопровод и струи хлещут во все стороны. Посетители Лувра, среди которых было немало иностранцев, выражая неудовольствие на сотне языков, смиренно зашагали к выходу.

Вместе со всеми, тесным предупредительной, но настойчивой охраной, двигался к выходу и Луи Дюбретон. День был испорчен окончательно, теперь выходной сюртук выглядел до крайности нелепо. Свидание с «Моной Лизой» не состоялось. А он так хотел ее увидеть!

А что если попробовать поискать картину самому? Ведь не могла же она просто испариться? Вынести незаметно картину, которая в длину почти метр и весом, вместе с рамой, два с половиной пуда – весьма непростая задача даже для крепкого человека. Наверняка «Джоконда» должна быть где-то неподалеку. Злоумышленник спрятал ее в каком-нибудь потаенном месте, чтобы впоследствии вынести.

– Ну что встал? – весьма недружелюбно подтолкнул его к выходу коренастый вахтер. – Сказано ведь было, водопровод прорвало! Через десять минут здесь никого не должно быть!

– Доминик! – прозвучал из глубины коридора басовитый голос.

Вахтер повернулся на голос, и Луи Дюбретон, воспользовавшись моментом, юркнул в приоткрытую дверь какого-то затемненного помещения. В нос ударило затхлой пылью, под ногами что-то протяжно заскрипело. Осторожно, стараясь не шуметь, Луи Дюбретон углубился в комнату.

Из-за двери доносились голоса охранников, выпроваживающих посетителей. Через минуту в коридоре установилась тишина.

Что же это за помещение? Чиркнув зажигалкой, Дюбретон посветил вокруг. Колыхаясь, отблески света падали на шероховатые стены, покрашенные в зеленый цвет, забирались в углы, где в большом ведре стояли швабры, у противоположной стены на батарее висела тряпка. Очевидно, помещение использовалось под кладовую какой-нибудь уборщицы. Вот будет занятно, если она сейчас подойдет и примется выпроваживать его из укрытия веником. Луи Дюбретон уже хотел было выйти, как вдруг обратил внимание на золоченую раму, стоявшую по правую сторону. И тотчас невольно сдавленно сглотнул: эту раму из орехового дерева, покрашенного в золотой цвет, он узнал бы из тысячи: помнил на ней каждую царапину, каждую вмятину и за время пребывания в музее успел изучить как собственные ладони. Еще позавчера вечером в ней помещалась картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Рядом, аккуратно поставленное у стены, находилось толстое стекло, которое еще совсем недавно прикрывало полотно.

Вор, осмелившийся украсть картину, был необыкновенно крепким малым. Все выглядит до предельного просто: он снял со стены сорокакилограммовую «Мону Лизу» и, сгибаясь под ее тяжестью, оттащил в каморку, после чего вытащил холст из рамы. Затем уложил полотно в какую-то сумку и вынес из Лувра.

Распахнув дверь, Луи Дюбретон побежал в кабинет главного хранителя Лувра.

– Какого черта вы здесь делаете?! – кипя от негодования, поднялся со своего места главный хранитель музея. – Я сказал гнать вас отсюда в три шеи! Видно, придется обратиться за помощью к полицейским, пусть они научат вас правильному поведению!

– Господин Луарет, я ее нашел!

– Вы нашли «Мону Лизу»? – опешил главный хранитель, мысленно прощая наглому художнику прежние прегрешения.

– Не совсем так... В кладовке я нашел раму от нее. Преступник вытащил картину из рамы и ушел.

– Где вы нашли раму?

– Могу показать, это рядом с «Квадратным салоном».

– Пойдемте!

* * *

Четыре тусклые лампы освещали небольшую кладовую, проникая в каждый уголок, высвечивая каждый торчащий гвоздь. В кладовке, и без того тесной, собралось полтора десятка сотрудников. Вставая на цыпочки и вытягивая из-за спин шеи, они смотрели на главного хранителя Лувра, придиричиво рассматривающего раму. Морщины на его сухом лице еще более углубились, а выпуклый лоб собрался в волнообразные складки.

Повернув картину, он прочитал инвентарный номер:

– Триста шестнадцать, «МЛ»... Она самая, именно в этой раме была «Мона Лиза». Ну что ж, господа, хочу вам сообщить, что произошла кража со взломом. Прежде такого в Лувре не наблюдалось. Вряд ли «Мону Лизу» мы отыщем в музее, скорее всего, ее уже давно вынесли, – с тоской протянул Луарет. Затем, строго посмотрев в унылые лица сотрудников, добавил: – Всем разойтись по своим рабочим местам! Устроили тут представление! А вы, господин Морис, продолжайте искать картину в каждом уголке, и если к утру она не будет найдена, придется вызывать полицию. – Вздыхнув, добавил: – И никого до ее прихода в музей не пускать!

– Слушаюсь, господин главный хранитель, – с готовностью отозвался начальник охраны.

– И вот еще что, отправьте курьера за господином директором. Теперь это его дело!

Глава 6

Сентябрь 1456 года, деревня Анхиано, близ Винчи. Любопытный Леонардо

Для предстоящего непростого разговора с сыном Соломенный Беллини выбрал апельсиновый сад, где проводил большую часть времени, считая, что запах цветов благоприятно действует на его здоровье, пошатнувшееся в последние годы. Заложив руки за спину, он затопал по узенькой тропинке, вымощенной мелким гравием, немного поотстав от него, шагал Пьеро.

– Сколько лет вы уже женаты?

– Четыре года, отец.

– Я тебе вот что хочу сказать, Пьеро, хотя это совсем не тот случай, когда нужно давать советы... Но знаю одно: если женщина не родила за четыре года, – Беллини развел руками, – значит, она бесплодна! Ты еще молод, но тебе уже пора задумываться над тем, кому ты передашь семейное дело.

– К чему ты это говоришь, отец? – хмуро спросил Пьеро.

– Я говорю о Леонардо, ты должен забрать его у Катерины и воспитывать в своем доме. Все-таки это твой сын.

– Катерина может не согласиться. Она его очень любит.

– Уверен, что она поймет нас. Каждая женщина желает добра своему сыну. – Беллини присел на лавку под разросшиеся акации. – В нашей семье он приобретет все, о чем только можно мечтать. Леонардо будет расти в обеспеченной семье, получит хорошее образование, богатство. Со временем женится на девушке из нашего круга. А я со своей стороны финансово компенсирую все неудовольствия его матери. А потом, она еще молода и сумеет родить себе еще одного ребенка.

– Но что я скажу Анжеле, когда приведу незаконнорожденного ребенка в дом?

– Она мудра и поймет тебя. Я даже уверен, что Анжела примет Леонардо как собственного сына.

– Хорошо, отец, я попробую подобрать для нашего разговора подходящие слова.

* * *

Анжела раскатывала длинной скалкой на столе тесто и что-то негромко напевала. Голос у нее был мелодичный и очень звонкий. В нее можно было влюбиться исключительно за ангельский голос, кроме того, она была привлекательна, а четыре года замужества развили ее женские прелести.

Пьеро, весьма обеспеченный нотариус, держал в доме прислугу, в том числе и кухарку, но Анжела любила побаловать супруга домашней выпечкой.

– Ты ходила к врачу, Анжела? – спросил Пьеро, положив свои широкие ладони на хрупкие плечи супруги.

Анжела замерла, млея под его лаской.

– Да.

– И что же он сказал?

– Сказал, что ничего не может поделать, нужно лишь молиться Деве Марии, – закусила губу Анжела, вытирая испачканные руки о полотенце. Повернувшись к мужу, она сказала: – Может, тогда появится шанс на рождение ребенка.

Пьеро горестно вздохнул и обнял жену:

– Мы молимся уже четыре года, однако ничего не получается. Знаешь, я хотел тебе сказать... У меня есть сын, его зовут Леонардо.

– Я знаю об этом, – просто ответила Анжела.

– Вот как?... Ты мне не обмолвилась об этом даже словом.

– Я не хотела тебя огорчать, – посмотрела Анжела на мужа. – Сколько же ему лет?

– Уже четыре года.

– Он совсем большой мальчик.

– Да, а еще он очень смысленный и весьма самостоятельный.

– Ты у него часто бываешь?

– Не так часто, как хотелось бы. Последний раз я был у него с год назад. Уверен, что за это время он меня уже позабыл. Дети растут быстро.... Ты не будешь возражать, если я заберу его в дом? Мне бы не хотелось, чтобы мой сын рос вдали от меня.

Анжела едва улыбнулась:

– Я сама хотела тебе это предложить.

– Ты невероятно мудра.

– Нет, я просто женщина, которая тебя очень любит, – отвернулась Анжела.

* * *

Пьеро застал сына в саду, тот с любопытством рассматривал крупного жука с коричневыми толстыми крыльями и с огромными черными рогами, преодолевающего рассыпанный на дороге битый камень. Спрятавшись под хитиновый панцирь, будто рыцарь под железные латы, жук имел весьма устрашающий вид и готов был сокрушить на своем пути всякое препятствие. В какой-то мере намеченный замысел ему удавался, – насекомое сумело преодолеть небольшой ров, вырытый детской лопаткой, и переползти через ворох репейника, брошенного на его пути. Впереди жука ожидало не менее серьезное испытание – насыпь, стеклянное доньшко от разбитой бутылки и несколько струганых щепок. И Леонардо с нетерпением ждал, когда жук начнет преодолевать нештучное препятствие.

Засмотревшись на жука, переползавшего песочную насыпь, Леонардо не услышал того, как рядом хрустел гравий, а потом чей-то негромкий голос поинтересовался:

– Ты любишь жуков, Леонардо?

Мальчик оторвал взгляд от увлекательнейшего зрелища и с удивлением посмотрел на высокого молодого мужчину с короткой ухоженной русой бородкой.

– Хочу посмотреть, как он переползет через траву.

– Зрелище весьма увлекательное, – согласился мужчина, присев на корточки. Теперь лицо незнакомца было вровень с ним, и Леонардо мог рассмотреть каждую морщинку на его смуглом лице: – Но ведь жук может улететь.

– Может, – легко согласился четырехлетний мальчик. – Но вот только почему-то этого не делает, а продолжает ползти.

– Хм, действительно очень странно. Наверняка на его месте мы бы поступили по-другому.

Леонардо продолжал всматриваться в незнакомца, который вызывал у него симпатию. Ему казалось, что он где-то его видел, вот только никак не мог вспомнить, где именно.

– Но у нас нет крыльев, чтобы летать.

– Ты весьма забавный мальчик.... Значит, ты решил усложнить жуку путешествие?

– Я просто хочу проверить, насколько он силен. Потом я посажу его в стеклянную банку и посмотрю, как он из нее выберется.

Незнакомец доброжелательно улыбнулся:

– Для него это будет очень трудной задачей. Представляю, как он беспокоится, когда у него не будет получаться.

– Тогда я ему помогу, – уверенно ответил Леонардо.

– И кем же ты будешь для этого жука? – лукаво спросил незнакомец. – Спасителем?

– Да, наверное, Богом, – охотно согласился четырехлетний мальчуган.

Мягко поскрипывая галькой, подошла Катерина. Носок ее туфли застыл совсем рядом с жуком, преодолевавшим небольшой ком земли. Новая преграда насекомого не пугала. Остановившись на мгновение, жук оценил собственные силы и теперь готов был забраться на обувь Катерины.

– Мама, а кто этот господин? – спросил Леонардо, показав на незнакомца.

– Это твой отец, Леонардо. – И уже после паузы, желая преодолеть подступившую тоску, натянуто улыбнулась и продолжала бодрее: – Он пришел за тобой, мой мальчик, и теперь ты будешь жить у него. Там тебе будет хорошо. Он купит тебе много красивой одежды и восточных сладостей.

– А как же ты? Разве ты не будешь скучать по мне? – удивился Леонардо.

– Конечно же, буду, но мы с тобой будем видеться.

– А что у тебя еще есть? – повернулся Леонардо к отцу.

– У меня есть все, что ты захочешь, – поднял Пьеро сына на руки. – Например, у меня есть большой сад. Там растут яблони, груши, в нем много миндальных деревьев. Вокруг моего сада растут кипарисы и оливы. А еще есть много виноградников. В нем никогда не умолкает щебетание птиц. За домом растет огромный цветочный сад, где всегда в изобилии насекомые: бабочки, стрекозы, пчелы. Вот таких жуков там тоже очень много.... Уверен, что тебе там очень понравится.

– А в твоём саду есть шмели?

– Шмели? – удивленно вскинул брови Пьеро. – Там их очень много, Леонардо! И все они невероятно большие и красивые.

– Когда же мы пойдем к тебе?

– Мы пойдем прямо сейчас, – поставив мальчика на землю, Пьеро взял его за руку. – Перед домом нас уже ждет карета.

– Мне еще не приходилось ездить в карете, – проговорил Леонардо, шагая за отцом.

– Теперь тебе придется к этому привыкать. Это очень интересно, сейчас ты сам убедишься в этом.

Леонардо приостановился и посмотрел назад, словно прощаясь со своей прежней жизнью. Его взгляд замер на черном жуке, победно взобравшемся на старый поцарапанный корень, выпиравший из-под земли узловатой фалангой. Насекомое расправило жесткие крылья, как если бы пробовало их на пригодность, затем пошевелило «антеннами» и взмыло в воздух, сердито жужжа.

С прошлой жизнью было покончено, впрочем, как и с улетевшим жуком. Даже следа в воздухе не осталось.

Глава 7

1464 год, Винчи. Щит Медузы Горгоны

Утром, положив в сумку альбом, Леонардо отправился в горы. Домашним оставалось только гадать, что же мальчик делает среди скал в одиночестве столь длительное время. Однажды Пьеро увидел сына у водопада: застыв, будто статуя, Леонардо разглядывал падающий поток воды и вглядывался в завихрение пузырьков. В какой-то момент Пьеро подумалось: «Не заболел ли Леонардо? Может, его следует показать священнику, умеющему изгонять вселившихся бесов?» Но уже в следующую секунду Леонардо извлек из сумки листок бумаги и карандаш и принялся быстро зарисовывать водопад с мириадами поднимающихся к поверхности пузырьков. Опасаясь быть обнаруженным, Пьеро тотчас спустился по склону.

Отлучки в горы становились все продолжительнее, мальчик не тяготился одиночеством, а рисунки, что он приносил, становились все совершеннее. В его зарисовках легко угадывались окрестности Винчи: гора Монте-Альбано с темными заросшими мхом скалами; многочисленные стремительные ручьи, рассекавшие лесной горный массив; огромное количество водопадов.

Особенно Леонардо удавался вид Винчи со стороны виноградников, что зеленым правильным квадратом взобрались на середину склона. Кварталы были тщательно прорисованы, а в городском замке можно было подсчитать даже количество бойниц.

Глядя на рисунки молодого Леонардо, дед лишь прищелкивал языком, дивясь детальности изображения.

– Это надо же такое нарисовать! Кто бы мог подумать, что на такой рисунок способен двенадцатилетний мальчишка. – И, уже широко улыбнувшись, добавил: – У меня таких детей не было. Тебе, Пьеро, повезло, из мальчишки будет толк. Глянь, как нарисовано, – показывал он на ряд оливковых деревьев, с кронами, сформированными в виде бокалов, и высоких кипарисов, чья листва напоминала хвосты каких-то сказочных восточных птиц. – У этого мальчика определенно есть дар.

– Вот только что делать с этим даром? Но могу сказать совершенно точно, у него есть дар тратить деньги, которые я ему даю, – пробубнил недовольно Пьеро. – На базаре надо мной уже все посмеиваются.

– А что такое? – озадаченно спросил Беллини, отставляя рисунки в сторону.

– Домой из школы он всегда идет через птичий рынок, а потом на все деньги скупает птиц и выпускает их на волю.

Соломенный Беллини неожиданно громко рассмеялся. Пьеро нахмурился.

– Отец, я не вижу повода для веселья.

– Возможно, что все не так уж и скверно, как тебе представляется. Было бы мерзко, если бы Леонардо покупал птиц, а потом откручивал им головы, – старик сделался серьезным. – Если мы передадим ему семейное дело, то есть риск, что он когда-нибудь пустит его на ветер. Я тебе вот что советую, Пьеро, ты переговоры с его учителем, часто они видят в наших детях то, что нам недоступно. Дети значительную часть времени проводят в школе, и эта часть времени скрыта от нашего внимания. Но мы всегда должны знать, что творится с нашими детьми за порогом дома. А его наблюдения помогут нам понять, куда его лучше определить.

– Пожалуй, ты прав, отец, – подумав, согласился Пьеро. – Я переговорю с господином Бернабо.

* * *

Пьеро застал учителя в небольшом кабинете, откуда через узкое оконце был виден склон горы Монте-Альбано, где произрастали ряды виноградников, прямые, будто бы начерченные по линейке. Прекрасный вид располагал к некоторой мечтательности, может, поэтому с лица Бернабо никогда не сходила блаженная улыбка.

– Я хотел поговорить о своем сыне, – произнес Пьеро, переступая скромно обставленный кабинет.

Бернабо не тяготила окружавшая его скудность, он был из тех немногих чудаков, что живут мечтаниями. Возможно, именно поэтому, несмотря на тридцатилетний рубеж, он оставался неженатым.

– Знаете, я тоже хотел бы с вами поговорить о Леонардо, – жестом Бернабо предложил свободный стул.

– Был бы очень рад услышать ваше мнение о нем.

– У вашего сына невероятно пытливый ум. Обучать такого мальчика – огромное удовольствие. Его интересует каждый предмет, какой я преподаю, и в каждом из них он не только преуспел, но и сделался лучшим. Прежде мне не приходилось обучать столь смышленного ученика.

– Вот как?! – Пьеро присел на стул. – Признаюсь, я никак не полагал, что услышу столь лестную оценку. По мне, так он просто похож на бездельника, который не желает заниматься домашними делами. Уходит в горы и рисует там неизвестно что!

– Мне известно о его увлечении рисованием. Он рисует в горах природу и животных.

– По моему мнению, это не совсем мужское занятие, – попытался возразить Пьеро.

– Уважаемый господин мессер, вы недооцениваете своего сына, у него очень любознательный ум. Его интересует все, что он видит вокруг: животные, растения, камни. И всему увиденному он старается дать собственное объяснение. Мне приходилось видеть его рисунки, в них он, несмотря на свой юный возраст, передает игру света и тени, – вдохновенно говорил учитель. – В своем развитии он перешагнул не только своих сверстников, но и тех школьников, которые значительно его старше. Хочу вам сказать откровенно, уже через год он освоил нашу школьную программу. В нашем городе ему не место, его нужно определять на учение во Флоренцию. На мой взгляд, у вашего сына большое будущее.

Пьеро выглядел задумчивым – не такого разговора он ожидал.

– Вот оно как. Вы меня несказанно удивили, господин Бернабо, а я-то думал, что он редкостный шалопай. И когда же, по-вашему, я должен отправить его во Флоренцию?

– Мое мнение такое, господин Пьеро: чем раньше вы это сделаете, тем это будет лучше для его будущего.

– Хорошо, я подумаю над вашими словами, – несколько растерянно произнес Пьеро, дав себе слово, что определит его в школу юристов. – Как раз завтра я собирался ехать по нотариальным делам во Флоренцию и рассчитываю там побыть некоторое время. Так что у меня будет время, чтобы поговорить с нужными людьми о его будущем.

Школу Пьеро покидал в крайней задумчивости, едва не столкнувшись с Франческо – веселым беззаботным крестьянином, искусным птицеловом и рыболовом, который за умеренную плату доставлял к его столу дичь и форель.

– Кажется, я тебя чуть не сшиб, Франческо, – извинился мессер.

– Ничего страшного, господин нотариус... А я как раз вас разыскиваю. Мне сказали, что вы направились к господину Бернабо...

– Что-нибудь случилось? – обеспокоенно спросил Пьеро.

– Ничего особенного, – успокоил Франческо, – просто я слышал, что вы в ближайшее время отправляетесь во Флоренцию?

– Да, Франческо, – охотно откликнулся Пьеро, – у меня там проживает один из кузенов, а потом надо заверить документы на землю господина магистра. Так что у тебя, говори?

– Я завершаю строительство дома, и мне бы хотелось его украсить как-то по-особенному. Я вырезал из бука вот такую вещь, – приподнял он выдолбленный из куска дерева щит, напоминающий тот, которым когда-то легионеры пользовались в Древнем Риме.

– Неплохо получилось, – согласился Пьеро.

– Да, я старался. Вот только хотелось бы его как-то по-особенному разукрасить. Вы не могли бы отдать этот щит какому-нибудь художнику? У вас ведь наверняка во Флоренции много знакомых.

Спрятав за скупой улыбкой неудовольствие, Пьеро взял щит. Огорчать Франческо отказом не хотелось, он всегда приносил к его столу самых жирных куропаток и самую большую форель. А потом, он был прекрасный резчик и вырубил скульптуру Девы Марии, которую установили в прошлом месяце перед воротами храма, обещал резными скульптурами украсить фасад его крыльца.

С собой во Флоренцию нотариус собирался везти всевозможный скarb, так что оси кареты выдержат еще одну вещь. Не обломаются! Вот, правда, по городу придется изрядно побегать, чтобы отыскать художника, что возьмется расписать щит.

А потом, такая работа весьма недешевая!

– Договорились, Франческо, я подберу хорошего художника.

* * *

В дорогу мессер Пьеро, пренебрегая расторопностью слуг, предпочитал собираться самостоятельно, аккуратно складывая в карету необходимые вещи. Готовился всегда загодя, на расвете, пока весь дом еще почивал. Когда карета была нагружена, а застоявшиеся кони нетерпеливо перебирали копытами в предвкушении дальней дороги, он вдруг вспомнил о том, что забыл в прихожей щит. Молитва на дорогу была уже прочитана, пожелание на долгую дорогу выслушано, и возвращаться за оставленной вещью не имело смысла – пути не будет!

Подозвав к себе Леонардо, пробудившегося, чтобы проводить отца, он сказал:

– Вот что, там в прихожей щит лежит, мне его господин Франческо передал... Разрисуй его как следует. – И, широко улыбнувшись, добавил: – Надеюсь, что ты удивишь не только меня, но и господина Франческо.

– Я не подведу тебя, отец, – пообещал Леонардо.

Усаживаясь в карету, Пьеро скомандовал извозчику:

– Чего встали? Поехали!

Кучер, взмахнув поводьями, поторопил лошадей. Тряхнув густыми рыжими гривами, лошади невесело зашагали, увлекая за собой груженую карету.

* * *

Вернувшись в дом, Леонардо взял щит и осмотрел его внимательно со всех сторон. Вырубленный из цельного куска дерева, с идеально отполированной выпуклой стороной, он представлял собой идеальное полотно для рисования. И вскоре Леонардо пришла идея, как лучше украсить щит. В самом центре должна быть голова Медузы Горгоны, вылезающей из крошечного ада. Осталось только придумать подходящую для нее свиту.

Несколько дней Леонардо выходил в горы и отлавливал на лугах ящериц, мохнатых пауков, кузнечиков, жуков. Не хватало лишь змей, из которых он создал бы подобающий образ. Ему повезло на следующий день, когда он возвращался домой. Спустившись с гор в долину, Леонардо увидел на дороге змею, раздавленную колесами телеги. Узор на шкуре был сильно

поврежден, но зато сохранилась голова. Уложив ее в корзину вместе с прочими тварями, Леонардо принес добычу домой и, заперевшись в сарае, принялся перерисовывать собранных животных на щит. Работа так его захватила, что он не замечал запаха, исходящего умершими животными. Зловониями пропиталось не только тесное помещение, но и волосы и вся одежда Леонардо.

Через неделю, к самому приезду отца, работа была выполнена. Разглядывая вычерченные на щите образы, Леонардо остался доволен, – замысел был воплощен всецело, а образы усиливали яркие краски.

Карета заехала во двор и остановилась перед домом. Расторопный слуга распахнул дверцу кареты и, почтительно согнувшись, стал дожидаться, когда мессэр Пьеро выйдет наружу.

Нотариус пребывал в прекрасном расположении духа. За прошедшую неделю он сумел едва ли не вдвое увеличить число своих клиентов, среди которых было два помощника бургомистра, что поднимало его семейное дело на новую высоту. А кроме того, он сумел переговорить о будущем Леонардо, и директор одной из лучших юридических школ пообещал, что возьмет его в студенты.

Возвращаясь из Флоренции, Пьеро неизменно приезжал с подарками. Кроме обычных сладостей, он привозил лампы, фонари, старинные статуэтки, картины, что придавали дому подobaющий уют.

Подарки для Леонардо оставались неизменными: юноша предпочитал холсты и краски. В этот раз он купил для него мольберт, потратив на подарок пятьдесят дукатов, и очень надеялся, что это вполне достаточная компенсация за то, что вместо обещанного ученичества в мастерской художника ему придется заняться юриспруденцией.

Аккуратно завернув мольберт в бумагу, нотариус понес его в дом, где торжественно и в присутствии всей семьи раздал подарки.

- А это тебе, Леонардо. Мольберт...
- Отец, я хотел показать тебе щит, – ответил Леонардо.
- Какой еще щит? – спросил нотариус, позабыв о своей просьбе.
- Тот, что ты мне отдал перед дорогой. Щит господина Франческо.
- Ах, это... Ну показывай.

Перевернув щит разрисованной стороной, Леонардо поднес его к лицу отца.

Выпавший из рук нотариуса мольберт стукнулся об пол, и Пьеро с расширенными от ужаса глазами попятился к выходу. Со щита на него смотрело чудовище с разинутой пастью. Вместо волос у него были длинные извивающиеся гадины со струящимися из пасти языками; из красных раскаленных глаз полыхал огонь, а из раздувающихся ноздрей валил густой плотный дым. Змеи, угрожающе вытянув шеи, стремились вцепиться в его тело ядовитыми зубами, а из темной глубины щита продолжали выползать все новые чудовища с ощеренными пастьми, с загнутыми когтями на мохнатых уродливых лапах.

Отступая, Пьеро натолкнулся спиной на стул, тотчас опрокинувшийся. Однако диковинные животные не желали отставать и, изогнув длинные шеи, продолжали его преследовать, вытесняя из комнаты. Видение усиливалось, в какой-то момент ему показалось, что твари спрыгнут со щита и, набросившись, вопьются в его тело своими хищными ужасными зубами.

- Убери от меня этих тварей! Пока они в меня не вцепились!

Отступать было некуда, уперевшись спиной в стену, нотариус невольно прикрыл глаза, готовясь к худшему. Но в следующую секунду раздался спокойный голос Леонардо:

- Отец, это всего лишь рисунок. Он получился именно таким, каким я его и задумал.

Отерев ладонью проступивший на лбу пот, мессэр проговорил, освобождаясь от наваждения:

– А я-то думал, что из преисподней пришли дьяволы, чтобы покарать меня за грехи... Сегодня же помолюсь в церкви. Да-а... Нагнал ты на меня страху. Картина производит впечатление. Они как живые. Как тебе это удалось?

– В горах я собирал насекомых и ящериц, а потом перерисовал их на щит.

– Ты создал настоящий ад, – одобительно произнес Пьеро. – Если бы я не знал того, что эту картину нарисовал ты, я бы подумал, что ее сотворил сам дьявол! Эти твари способны напугать кого угодно.

– Ты можешь отнести его господину Франческо.

– Франческо, говоришь... – взял наконец протянутый щит Пьеро. Звери, нарисованные на щите, выглядели как живые и одновременно во сто крат ужаснее, чем были бы в действительности. С такой картиной трудно было расставаться. – Я даже не знаю, как тебе все это удалось.

– Мне хотелось, чтобы звери были похожи.

– Знаешь, Леонардо, у тебя самый настоящий талант к рисованию. Ты знаешь о том, что во Флоренции я говорил о твоём будущем?

– Знаю, отец.

– Я договорился о том, чтобы тебя взяли в юридическую школу, – сказал Пьеро, разглядывая щит.

Главной фигурой на щите была мифическая Медуза Горгона, а по сторонам от нее с разинутыми пастьми, напоминая бесов, расположились диковинные звери, которых на заднем плане выпускала тьма в виде раскрытой зубастой акульей пасти.

– Да, я знаю отец, – смиренно ответил Леонардо.

– И что ты об этом думаешь?

Пьеро едва коснулся кончиками пальцев головы Медузы, чтобы почувствовать прохладу кожи, но пальцы уперлись в гладкую полированную поверхность. В какой-то момент он вдруг подумал о том, что ее челюсти могут сомкнуться, и, не опасаясь выглядеть смешным, отдернул руку.

– Я бы хотел учиться на художника, отец.

– Хм, вижу, что тебя не уговорить. Хотя, на мой взгляд, рисованием могут заниматься только сыновья дубильщиков или погонщиков мулов, но никак не сын нотариуса.

– Мне очень хочется рисовать, отец.

– Хорошо. Пусть будет так, как ты желаешь. Во Флоренции у меня есть один знакомый художник, это Андреа Верроккьо, – задумчиво продолжал Пьеро, назвав одного из самых знаменитых художников Италии. – Он кое-чем мне обязан... Думаю, что для него не будет обременительным, если я отдам ему в ученики своего сына. А теперь ступай, – продолжал он разглядывать щит, обнаруживая в рисунке все новые зловещие детали, – мне нужно подумать.

Оставшись в одиночестве, Пьеро вновь принялся рассматривать щит. У Леонардо, безусловно, был недюжинный талант, ему следовало всерьез заняться художественным ремеслом, и лучше места, чем Флоренция, трудно было придумать. Во всяком случае, там к художникам относятся едва ли не как к философам. Если Леонардо будет успешен, то через несколько лет его могут принять в гильдию Святого Луки, что позволит ему открыть собственную мастерскую и набирать учеников. Вряд ли его когда-нибудь пригласят расписывать собор, но, во всяком случае, свой кусок хлеба он всегда заработает.

Заглянув в лавку к старьевщику, где нередко попадались весьма интересные вещи, нотариус среди груды старинного хлама рассмотрел древнеримский растрескавшийся щит легионера. Удивительно, но с внешней стороны щита сохранилась даже вбитая гвоздями кожа.

Подняв щит, Пьеро повертел его в руках. Весьма занятная вещица.

– Откуда он у тебя? – удивленно спросил мессер у старьевщика.

– Племянник нашел в одной из пещер, – махнул тот в сторону скал. – Принес вместе с мечом и латами. Если вас интересует, могу продать их.

– А что еще там было?

Прищурившись на потенциального покупателя, продавец ответил:

– Там был еще и скелет. На нем оставалась истлевшая одежда и обувь, – он вытащил из шкафа древнеримские сандалии. – Хотел сначала похоронить его по христианскому обычаю, но отец Бонифаций отказал, сказав, что легионер был язычником. Креста на нем не было.

Гора Монте-Альбано была испещрена многочисленными разветвленными пещерами. Едва ли не каждый год она приносила немало сюрпризов. Например, три года назад вездесущие мальчишки отыскали небольшой сундук с золотыми монетами, пролежавший там, по всей видимости, не менее тысячи лет. Если вдуматься, то в этих находках нет ничего удивительного, – в долине Арно на протяжении многих столетий случались военные кампании, которые просто опустошали этот край. И единственное средство, чтобы как-то сохранить нажитое добро, так это просто подальше спрятать его от людских глаз куда-нибудь в одну из отдаленных пещер. А раз хозяин так и не вернулся за своим добром, то, следовательно, сложил голову где-нибудь на поле брани. Наверняка и этот легионер так же пролежал в пещере не менее тысячи лет. Благоприятный сухой воздух позволил мумифицироваться его телу и в нетленности сохранил все его обмундирование, включая щит, обитый кожей, и сандалии.

Пьеро отрицательно покачал головой.

– Его вооружение мне ни к чему. Но вот щит я забираю. Сколько ты хочешь за него?

Лицо старьевщика приняло задумчивое выражение.

– Думаю, что мы договоримся с тобой на пять дукатов.

– Я тебе дам шесть! Вот, возьми... Только обшей его новой кожей, так, как он выглядел прежде, и подкрась желтой краской побитые места, – распорядился Пьеро.

– Сделаю все как положено, господин нотариус, – оживился старьевщик.

– Я подойду к тебе завтра после обеда, часикам к двум, чтобы было все готово.

– Можете не сомневаться, господин нотариус, сделаю лучше прежнего, – заверил продавец.

* * *

В лавку к старьевщику Пьеро подошел в третьем часу. Тот его уже поджидал и, когда нотариус перешагнул порог, протянул ему щит, обтянутый новой дубленой кожей. Придирчиво осмотрев древнеримский щит, нотариус остался доволен работой и, расплатившись, покатил в карете к Франческо.

Рыболова нотариус застал во дворе. Раскинув огромную мелкую сеть, длинным узким краем заползавшую на угол огорода, где произрастали крупные, величиной в два кулака, помидоры, он распутывал образовавшиеся узлы.

– Франческо, ты просил меня отдать свой щит художнику, чтобы он его разрисовал.

Распрямившись, Франческо зашагал навстречу гостю; поздоровавшись, удивленно спросил:

– Неужели они отказали?

– Тот художник, которому я отдал твой щит, оказался большим растяпой. Он умудрился расколотить его! – произнес он с негодованием.

Франческо выглядел удрученным.

– Это скверная новость, господин нотариус. Очень жаль. Я вытачивал этот щит несколько дней.

– Тебе не стоит унывать, Франческо, – радушно улыбнувшись, продолжал Франческо. – У одного старьевщика я отыскал нечто лучшее. – Вытащив из сумки старинный щит, он протянул его растерянному Франческо. – Возьми его... Это настоящий щит древнеримского легионера.

– Вот так подарок! – радостно воскликнул рыболов. – Даже не знаю, как вас отблагодарить, господин нотариус.

– Мне ничего не нужно, – отмахнулся Пьеро. – Ведь мы же с тобой друзья, а какие счета могут быть между друзьями?

– Но он же стоит кучу денег!

– Наша дружба для меня значит куда больше.

– За такой подарок я буду благодарен вам по гроб жизни!

Пьеро весело рассмеялся:

– По гроб жизни – совершенно не обязательно, но вот если ты к завтрашнему обеду отловишь для меня пару штук форели, то это будет очень замечательно!

Глава 8

23 августа 1911 года. Париж. Кража «Моны Лизы» – это национальная трагедия

Пропажу картины «Мона Лиза» Леонардо да Винчи парижане восприняли как национальную трагедию. Уже к обеду в Лувр стала стекаться целая армия полицейских, которые шастали по всем закоулкам, задавали неловкие вопросы руководству музея и без конца допрашивали вахтеров, смотрителей и охрану. Казалось, что их любознательности просто не будет конца!

Префект парижской полиции господин Марк Лепен (в сопровождении инспектора Франсуа Дриу и нескольких сыщиков) прибыл в Лувр, едва услышав о пропаже «Моны Лизы». Личностью он был во многом легендарной. Как шутили о нем профессионалы, он мог раскрыть самое запутанное дело, даже не появляясь на месте преступления. К вершинам полицейской карьеры Марк Лепен поднимался из самых низов, будучи еще обыкновенным филером. Обладая гибким оригинальным умом, слыл настоящим мыслителем, а судя по тому, что ему удалось продержаться на своем посту при четырех премьер-министрах, то можно было добавить, что он был и весьма неплохим дипломатом. Во всяком случае, свое дело он знал лучше, чем кто бы то ни было, и только по почерку преступления мог очертить круг предполагаемых злоумышленников.

Марк Лепен был немолод, небольшого роста, плотного телосложения, надевал темные мешковатые брюки и светлый клетчатый сюртук, никак не гармонизировавшие между собой. На круглой, будто бильярдный шар, голове носил низенький белый вышедший из моды котелок. Полноватое лицо украшали тонкие седеющие усики и коротенькая бородка. Марк Лепен без конца курил короткую трубку и был невероятно похож на персонажей о доблестном сыщике, прототипом которых, собственно, и являлся.

– Кто у вас тут главный? – хмуро поинтересовался он у Фернана Луарета, выскочившего ему навстречу.

– Директор музея господин Омор Теофиль.

– Я о нем слышал. Кажется, он занимался раскопками в Греции.

– Именно так, господин префект. Ему уже сообщили об ограблении, и он пребывает в Париж сегодня вечером.

– И где же он? – с недоумением спросил комиссар, пыхнув в лицо собеседника едким табачным дымом.

– Он в горах, на отдыхе.

– Разумеется, – легко согласился Марк Лепен, – где же еще можно находиться, когда в порученном тебе ведомстве происходят ограбления со взломом. А вы, собственно, кто будете? – буркнул сыщик, обдав Луарета новым облачком дыма.

– Я главный хранитель Лувра господин...

– Доохранялись, стало быть, – хмыкнул Марк Лепен и, постукивая костяной тростью о мраморные ступени, распорядился: – Ну чего стоите? Ведите на место ограбления! Не стоять же нам на лестнице истуканами, как ваши статуи!

– Да, господин Лепен, – охотно отозвался главный хранитель.

– И только без ретивости, ради бога! – угрюмо предупредил полицейский. – Я уже не тот, что был сорок лет назад, и вряд ли поспею за вами.

– Хорошо, господин Лепен, – укоротил широкий шаг хранитель музея.

Они прошли в «Квадратный салон», где еще недавно висела картина великого мастера и где теперь с пустого места на вошедших в немом уоре взирали четыре острых колышка.

– Значит, именно здесь она висела? – ткнул комиссар дымящейся трубкой на свободное место между двумя картинами.

– Именно так, господин комиссар.

Невесело хмыкнув, Марк Лепен произнес:

– Кажется, я разгадал знаменитую улыбку «Моны Лизы», она прекрасно была осведомлена о том, какая начнется свистопляска, когда ее украдут. – После чего подошел к стене и для чего-то внимательно принялся изучать колышки. Поскреб пальцем по стене и невесело протянул, как если бы озвучивал приговор: – Да-а...

– Так что вы скажете, господин комиссар?

– Кажется, в этом зале Наполеон венчался с Марией-Луизой? – проявил Марк Лепен эрудицию.

– Именно так, господин комиссар, – охотно откликнулся хранитель музея. – Это было в апреле 1810 года, чуть более ста лет назад. Император как раз стоял вот на этом месте...

– Я вас вот о чем хочу спросить, – перебил его вдруг комиссар. – А сколько людей присматривают за экспонатами?

Хранитель смутился.

– В нашем распоряжении тысяча двести вахтеров и смотрителей, и все они наблюдают за экспонатами. У вас может сложиться ложное впечатление, но прежде в нашем музее никогда...

– А кто же присматривает за экспонатами ночью, когда вахтеры и смотрители расходятся по домам?

– Господин комиссар... – вступил в разговор Морис.

– Кто вы? – повернулся Марк Лепен к говорившему.

– Я начальник охраны Пьер Морис. У нас никогда прежде подобного не случалось, в том числе и ночью. Все наши люди проверены и ревностно несут свою службу.

– Вот как! И каким же образом они ее несут?

Разговор с префектом полиции давался нелегко. Отерев рукавом проступившую на лбу испарину, начальник охраны понуро продолжал:

– Каждые два часа вооруженная охрана совершает обход дворца. На лестницах и в коридорах мы установили специальные посты, связанные между собой телефонами. Так что в случае возникших осложнений у них всегда имеется возможность связаться друг с другом. Кроме того...

– Меня вот что интересует. – Пьер Морис нахмурился. Похоже, что комиссар полиции не обладает чувством такта. Марк Лепен предпочитал не замечать неудовольствия начальника охраны, продолжал: – Народу в Лувр приходит чрезвычайно много. За всеми не уследишь. Здесь возникает постоянная сутолока. Посетители толпами передвигаются от одной картины к другой, а кроме того, здесь всегда много иностранцев, которые пытаются доказать свое мастерство всему миру, копируя известные полотна. Так что я вполне представляю здешнюю обстановку. По существу, в Лувре царит самый настоящий хаос, он напоминает проходной двор!

– Возможно, это было при прежнем руководстве, но не сейчас, – возразил Пьер Морис. – Мы подбираем в штат музея очень ответственных людей, затем в самом музее они проходят специальную подготовку. Так что вынести что-то из музея не представляется возможным.

– А как же тогда фотографы запросто выносят из залов картины? – стал наседать комиссар. – Мне уже докладывали об этом, – встретил он удивленный взгляд главного хранителя. – Что вы мне на это скажете?

– Это уже по моему ведомству, господин комиссар, – вмешался в разговор Фернан Луарет. – Дело в том, что у нас в Лувре имеется репродуктивное ателье, хозяин его – господин Лемье. Он издает книги по искусству. Его фотографии имеют право выносить экспонаты из залов.

– Иначе говоря, у них имеется разрешение?

- Прежде у нас никогда и ничего не пропадало, – рассеяно произнес главный хранитель.
- Так имеется или нет?
- Нет... Они могут брать экспонаты без уведомления, – выдавил из себя хранитель.
- Ну и порядочки у вас здесь, – выражая недовольство, пыхнул табачным дымом сыщик.
- Но, господин комиссар...

Трубка была выкурена. Вытряхнув пепел в металлическую урну, Лепен зашагал дальше по коридору.

В мексиканском зале он приостановился, чтобы поправить задравшийся воротник. С полок на вошедших взирали статуэтки богов прошлых исторических эпох. Невольно создавалось впечатление, что изваяния прислушиваются к состоявшемуся диалогу. Одна из фигурок с вытаращенными огромными глазами и оскаленной пастью символизировала бога огня ацтеков. Главному хранителю так и хотелось подойти к ней и повернуть статуэтку лицом к стене, чтобы не сверлила его своим взглядом. Лишь усилием воли Луарет отказался от накотившегося желания.

– А мне придется со всем этим делом разбираться. Да-а, понаделали вы тут! – безрадостно протянул он. – Вы говорите, что нашли раму от картины?

- Именно так, господин комиссар, – охотно откликнулся главный хранитель.
- Покажите, где она была.

Префекта проводили в тесную каморку, находящуюся недалеко от лестницы.

– Вот она, эта рама. Мы не стали ничего убирать.

– Единственное благоразумное решение, – буркнул комиссар, осматривая раму. – Андре, – обратился он к одному из сопровождавших его полицейских, круглолицему, с тоненькими усиками, – посвети сюда, хочу повнимательнее осмотреть место.

– Хорошо, господин комиссар.

Вытащив из нагрудного кармана блокнот, он вырвал из него несколько листочков и чиркнул зажигалкой.

- У нас здесь свет, господин комиссар, – напомнил хранитель.
- Да какой это свет, – махнул рукой Лепен, – убогость одна.

Заполыхала бумага, ярко освещая пространство. На раме отчетливо выделялся след большого пальца.

Префект внимательно осмотрел раму, рассчитывая отыскать какие-то дополнительные улики, и, видно, не обнаружив таковых, произнес:

– Снимите отпечаток и передайте его для исследования. Не очень-то я верю во все эти новые исследования. Но кто знает, может, это именно тот случай, когда они принесут пользу.

Обсыпав порошком оставленный след, сняли отпечаток.

- Где тут поблизости лестница?
- В десяти метрах отсюда.
- Пойдемте туда.

Спустились по лестнице на первый этаж. Осмотрев пролеты, комиссар увидел ручку, лежавшую на ступенях. Подняв ее, неодобрительно хмыкнул.

- А ручка-то от этой двери.
- Все так, господин комиссар, – отозвался инспектор.
- Зачем же он ее отворачивал?
- Наверное, заедал язычок замка.
- А еще для того, чтобы никто не смог открыть дверь, – заметил комиссар.

– Замок здесь и в самом деле заедает, – подал голос главный хранитель. – Я распорядился, чтобы слесарь посмотрел эту дверь.

– Нужно будет взять показания у этого слесаря, – обратился комиссар к инспектору, – может, он что-нибудь расскажет про преступника.

– Допросим, господин комиссар, – с готовностью отозвался Франсуа Дриу. – Посмотрите на замок... Вломщик отворачивал здесь шурупы, пытался снять замок.

– Все верно. Вот отсюда он и вышел. И даже никто не заметил! Так чего мы тут торчим? – недовольно спросил комиссар у главного хранителя, стоявшего на лестнице. – Пойдемте!

– Куда изволите?

– Ясное дело, на чердак! – хмыкнул комиссар полиции. – Или вы только по паркету любите ходить?

Комиссар оказался невероятно дотошным, за те восемь часов, что он провел в Лувре, уже не отыскалось более ни одного уголка, куда бы он не заглянул. Пачкая клетчатый сюртук, он заглядывал в самые затаенные места на чердаке и здорово перепугал голубей, обитавших под крышей несметными стаями. Затем префект спустился в подвал и долго бродил между канализационными трубами. А в одном месте потревожил даже бродяг, отыскивавших для себя ночлег среди груды сложенного металла. Бродяг препроводили на свет, а люк, через который они спускались под землю, заварили. В другом месте Марк Лепен обнаружил небольшую течь и велел подойти ближе хранителю музея. Обутый в лакированные штиблеты на тонкой подошве, он не осмелился возразить префекту полиции и, потупившись, терпеливо выслушивал нотации о том, чем может обернуться подобная течь для подвала и здания в целом. Так что обувь, а заодно и промокшие брюки пришли в негодность.

Только одному комиссару было ведомо, что именно они ищут в полнейшей темноте и сырости, но свою многочисленную свиту из администрации музея не отпускал и тащил ее по самым непрезентабельным и унылым местам дворца, что были скрыты от глаз обычных посетителей. Судя по всему, комиссару несказанное удовольствие доставляли перепачканные сюртуки хранителя Лувра и начальника охраны. На вопрос господина Фернана Луарета, чего же именно они тут ищут, комиссар Лепен лишь глубокомысленно хмыкал в седую бороду и продолжал исследовать потаенные места, забитые многовековым хламом. В них были распатанные супружеские кровати королевских особ; люльки, с которых начинали свой жизненный путь великие императоры; обувь, покрытая слоями многовековой пыли; комнатные детские игрушки; военная амуниция; дворцовая утварь, которая обычно складывается в подвал по причине ветхости.

Единственное, чего тут не было, так это картины «Мона Лиза». Зорко оглядев сопровождающих, главного хранителя музея и начальника охраны, шумно дышавших при каждом шаге, и, видно, оставшись довольным их потрепанным видом, он сделал заключение:

– Полагаю, что в подвалах и клозетах картину не найти. Видно, придется искать ее в другом месте. Вы бы, господа, привели свои сюртуки в порядок. Глядячи на вас, я бы подумал, что вы работаете ассенизаторами в городских коммуникациях, а не при важных должностях в государственном музее. Стыдно, господа! Отряхнитесь!

Запахнув светло-серый клетчатый сюртук, он стал подниматься по грубым тесаным ступеням подвала к выходу. В просторном холле префекта полиции уже поджидала толпа журналистов.

– Господа, он поднялся! – прозвучал чей-то пронзительный возбужденный голос.

Ярко пыхнула магниевая лампа, запечатлевая несколько сконфуженное лицо префекта полиции, и толпа репортеров тотчас обступила плотным кольцом Марка Лепена, как если бы намеревалась взять его в плен.

– Господин комиссар, я Жаклин Ле Корбюзье из «Пари-Журналь», что вы можете сказать о пропаже картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза»? – громко спросила молодая журналистка с ярко накрашенными губами.

– В настоящий момент я не могу сделать никаких заявлений.

– Господин комиссар, наших читателей интересует, как долго вы будете искать национальное достояние Франции?

Несмотря на смазливую мордашку, репортерша оказалась невероятно напористой, хотя в журналистском ремесле без цепкости не обойтись, иначе придется остаться без завтрака.

Кашлянув в кулак, комиссар обвел строгим взглядом нестройный ряд журналистов, сжимавших в ожидании блокноты с карандашами, репортеров, державших в руках магнетики лампы. Хмыкнув, невольно подумал о том, что столь впечатляющая композиция вполне могла бы занять один из залов дворца. Осталось только найти художника, что сумел бы запечатлеть столь внушительный форум.

Среди журналистов отыскивалось несколько знакомцев, писавших о нем весьма нелестно во время розыска маньяка, убившего шесть проституток. Тогда он выразил твердую уверенность в том, что преступник будет изловлен в ближайшую неделю. Когда же обещанного не произошло, то журналисты стали глумиться над ним на листах газетной бумаги. Преступник был изобличен уже через трое суток после первой неприятной публикации, однако нападки журналистов не прекращались и после его поимки, и Марк Лепен испытал немало неприятных моментов во время беседы с господином министром.

Следовало делать вид, что совершенно ничего не происходит. Отыскав среди журналистов своих недоброжелателей, он, раздвигая толстые щеки, весьма мило им улыбнулся, совсем как старым добрым знакомым, и громко заявил:

– Господа, уверяю вас, что к поиску картины подключены самые лучшие силы криминальной полиции Франции.

– А кто непосредственно будет заниматься ее поисками?

– Полагаю, что это будет инспектор Франсуа Дриу, – повернулся он к своему спутнику. – Он один из лучших наших сотрудников. Уверен, что вы о нем уже слышали. Я же со своей стороны буду контролировать его деятельность и помогать ему по мере своих сил.

– Что вы думаете о краже, кто ее совершил? – продолжала напирать Жаклин.

В упорстве дамочки не откажешь. Интересно, в приватной обстановке она столь же инициативна?

– Хочу сразу заявить, что преступник совершил большое злодеяние, украв национальную святыню Франции. Я лично осмотрел место преступления, опросил около двух десятков свидетелей. Нами уже очерчен приблизительный круг подозреваемых, и у нас имеется твердая уверенность в том, что преступник в ближайшее время будет пойман.

– Будет так же скоро пойман, как когда-то Трубочист? – с усмешкой спросила Жаклин, что-то чиркнув в своем блокноте.

Комиссар полиции невольно нахмурился. Девушка напомнила ему о случаях, произошедших год назад, когда преступник проникал через домовые трубы и обчищал квартиры состоятельных парижан. Именно тогда его и прозвали Трубочистом. Впоследствии отыскивались свидетели, описавшие его весьма подробно, а самый глазастый среди них (старик лет восьмидесяти) рассмотрел на раздвоенном подбородке даже небольшую бородавку, поросшую рыжеватыми волосами. Трижды они были близки к тому, чтобы схватить преступника, но тот всякий раз проворно сбегал с крыши, оставляя полицию ни с чем.

Изловили Трубочиста совершенно случайно. Однажды, забравшись в квартиру весьма влиятельного буржуа, он, позарившись на бутылку пятидесятилетнего бурбона, выпил его до капельки и уснул на коротком диванчике в кабинете хозяина. Вернувшись в свой особняк, хозяин не без удивления обнаружил мертвецки пьяного домушника и без особого труда связал его по ногам и рукам, после чего в собственном экипаже привез к зданию полиции.

– Надеюсь, что следующее наше свидание состоится уже после того, как преступник будет пойман, – объявил комиссар полиции и в сопровождении администрации музея и полицейских покинул Лувр.

– Вот что, Франсуа, – произнес комиссар, усаживаясь в экипаж. – Напомни, как звать эту девицу из «Пари-Журналь»?

– Жаклин Ле Корбюзье. Она весьма известная журналистка, пишет на криминальные темы.

– Сделай все возможное, чтобы в следующий раз ее не было среди журналистов.

– Слушаюсь, господин комиссар.

– Пошел! – распорядился Марк Лепен, слегка тронув тростью плечо возницы.

Глава 9

1466 год. Флоренция. Как тебя зовут, мальчик?

Флоренция, привольно раскинувшаяся в долине реки Арно, покоряла всякого, кто в нее прибывал. Леонардо не сделался исключением и по минутам мог вспомнить свое прошлогоднее посещение города. Сейчас он ехал во Флоренцию на длительный срок и очень надеялся отыскать в прекрасном городе место и для себя.

Колеса кареты слегка поскрипывали, погружая провинциала в забытие. От дремы Леонардо очнулся только тогда, когда карета остановилась после заставы и громкий голос городского стражника заставил невольно вздрогнуть и глянуть в окно. Первое, что бросилось Леонардо в глаза, так это празднично разодетая толпа, устремившаяся на утреннюю молитву в высокий собор, стоявший на широкой площади. У самого окна остановился какой-то долговязый старик в маленькой шляпе рыжевато-коричневого цвета и в дорогом костюме из черной парчи. Будто бы почувствовав направленный взгляд, он неожиданно улыбнулся мальчугану щербатым ртом и, в приветствии махнув рукой, потопал в церковь следом за остальными.

– Проезжай! – распорядился стражник, возвращая документы отцу.

Карета тронулась, легко подрагивая по выложенному булыжнику.

– Отец, а почему он нас остановил? – спросил Леонардо.

– Посмотри туда, – махнул Пьеро на высокую красную башню.

Повернувшись, Леонардо увидел человека, повешенного на балке, руки которого были связаны за спиной. По его богатой одежде было понятно, что он принадлежал к высшему аристократическому сословию. Сюртук из бордового бархата; на узких плечах темно-синяя отороченная мехом горностаевая куртка, из-под которой проглядывал голубой костюм с черными и белыми бархатными нашивками. На высохшей голове красная шляпа с небольшими полями. Но больше всего Леонардо поразила усмешка, застывшая на его мертвых губах, как если бы он посылал убийцам презрение с того света.

– Кто это? – внутренне содрогнувшись, спросил Леонардо, посмотрев на беспристрастное лицо отца.

– Это один из врагов Медичи, нынешних хозяев Флоренции.

– И что же он сделал?

– Этот человек готовил против них заговор и хотел отобрать город. – И, посмотрев в окно, задумчиво произнес: – Не дай бог заполучить тебе такого могущественного недоброжелателя, как герцог Медичи. Эй, Козимо, останови подле того собора.

– Слушаюсь, хозяин, – энергично отозвался кучер и придержал коней подле фасада церкви Санта-Мария Новелла.

– Подождите меня здесь, – сказал Пьеро, забирая с собой сумку, – я сейчас подойду.

Спрыгнув на брусчатку, нотариус направился к трехэтажному каменному дому, на углу которого висел кованый башмак. Открыв дверь, прошел в мастерскую, где под присмотром крупного сапожника в длинном черном переднике четверо учеников изготавливали туфли.

– Кто к нам пришел! – поднялся на встречу башмачник, раскинув могучие руки. – Да это же сам мессер Пьеро!

Башмачник был громаден – распрямившись, он едва не цеплял макушкой высокий потолок, – с курчавыми длинными волосами, толстой шеей, пухлыми капризными губами, собранными в бутон, крючковатым носом, указывающим на его восточное происхождение, и черными хитроватыми глазами, взирающими цепко и заинтересованно.

Такого человека обмануть было непросто. Наверняка в его жилах текла цыганская кровь, и оставалось только удивляться, какие именно обстоятельства заставили его поменять про-

хладу кибиток на духоту сапожной мастерской. Возможно, что здесь тоже существовала какая-то своя выгода.

– Ты не ошибся, Скамучья, это я собственной персоной. Ты просил прикупить для тебя нечто особенное.

– Что ж, приятно слышать. Теперь я вижу, что ты не забываешь просьбу старого друга. Что же ты для меня принес?

Вытащив из сумки разрисованный щит, Пьеро показал его башмачнику, и по тому, как менялось его лицо – от небрежно-доброжелательного до удивленного и наполненного страхом, – он понял, что работа произвела большое впечатление. Взяв щит, башмачник осмотрел его с противоположной стороны, как если бы хотел увидеть гадов, вылезающих из преисподней, а потом удивленно покачал головой.

– Ты меня немало удивил, Пьеро. Признаюсь тебе откровенно, я никогда прежде не видел подобного. Наверняка человек, раскрасивший этот щит, побывал в аду! Вот только как ему удалось оттуда выбраться? Пьеро, назови мне имя этого человека, я хочу поговорить с ним. У меня столько грехов, так что Господь наверняка определил для меня место в аду, и я должен знать, как оттуда выбраться.

– Ты преувеличиваешь, Скамучья, мне кажется, нет вещей, что могли бы тебя напугать.

– Ха! Я преувеличиваю? Да этот щит способен напугать целое войско, не то что старого Скамучья. Кто же нарисовал этот щит?

– Этот щит нарисовал... один художник.

Башмачник хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ах, да, конечно же, художник! Как же я мог думать иначе? Только они такие грешники и только у них такое богатое воображение. И кто же этот художник?

– Тебе этого знать не нужно, – широко улыбнулся Пьеро.

– Почему же «не нужно»? Должен же я сообщить детям имя этого мастера, когда они передадут щит моим внукам. Признайся мне, этот щит расписал великий Филиппо Брунелли?

Пьеро, смеясь, отрицательно покачал головой:

– Уймись!

– Ага, вижу, что я на правильном пути. Это Донателло?.. Риберти? Впрочем, так мог нарисовать еще и Мозаччо.

– Скамучья, даже не пытайся узнать имя этого художника, иначе мне придется продать тебе этот щит за настоящую цену.

– И сколько же это будет стоить?

– В таком случае тебе придется распродавать все свое имущество, включая мастерскую вместе с учениками, – посмотрел он на юношей, прислушивавшихся к разговору. – А мне просто хочется сделать тебе приятное.

– Хм, может, ты действительно прав. И во сколько обойдется мне это... приятное?

– О! Я попрошу немного, – воздел Пьеро глаза к небу, мысленно просчитывая сумму, какую следует вытянуть из башмачника. – Думаю, что сто дукатов будет в самый раз.

– Сто дукатов?! – невольно ахнул башмачник, продолжая рассматривать щит.

Хмыкнув, Пьеро проговорил:

– Или ты полагаешь, что работа великого Филиппо Брунелли не стоит таких денег?

– Мне следует понимать твои слова так, что ты назвал мне имя художника, расписавшего этот щит? – прищурился недоверчивый башмачник. – Хорошо! Я дам тебе за этот щит сто дукатов! Кто бы ни разрисовывал этот щит, но он стоит этих денег. У этого человека настоящее дарование!

Отцепив от пояса объемный кожаный кошель, инкрустированный жемчугом, он развязал горловину и, достав горсть монет, отсчитал сто дукатов.

– Возьми! Если у тебя будет что-нибудь похожее, неси непременно мне! Всегда отыщешь во мне благодарного покупателя.

– Не переживай, Скамучья, я так и сделаю, – не скрывая удовольствия, проговорил мессэр и положил в карман деньги. – Поверь мне, тебя ожидает сюрприз.

Расставшись с башмачником, довольный Пьеро быстрым шагом заторопился к карете.

– Так куда мы теперь? – спросил слуга, взяв поводья.

– Ты знаешь, где находится мастерская Верроккьо? – спросил Пьеро.

– Андреа дель Верроккьо? – почтительно переспросил слуга.

– Его самого.

– Знаю. Около Палаццо Веккьо.

– Вот и поезжай туда.

Встряхнув поводьями, слуга поторопил лошадок.

– А ну, пошли! Застоялись, черти!

Кучер аккуратно проезжал по узким улочкам города, порой они бывали настолько узкими, что бока кареты едва не касались стен домов. Прохожие, встречавшиеся на пути, предусмотрительно прятались в подъездах, во дворах. Еще через полчаса показалась зубчатая башня Палаццо Веккьо.

– Приехали, хозяин, – объявил Морицио.

Пьеро вышел из кареты и направился под арку в небольшой каменный пристройке огромного серого здания, где располагалась мастерская знаменитого художника.

Андреа дель Верроккьо оказался мужчиной крепкого сложения немногим за сорок лет. Одет он был не без изыска: в темно-синий камзол, отороченный внизу бархатной ленточкой; могучую шею обтягивал плотный ворот с большой золоченой пуговицей. Крупный с горбинкой нос контрастировал с тонкими бесцветными губами; лоб у маэстро был высокий, прорезанный грубоватыми длинными морщинами; брови слегка нависшие, из под них на собеседника взирали зеленовато-серые глаза.

Во внешности художника не отмечалось ничего значительного, да и одеждой он не особенно отличался от жителей квартала. Глядя на него, трудно было поверить, что он один из самых именитых художников Италии. Именно ему заказывали бюсты и портреты наиболее выдающиеся граждане Флоренции. Именно в его мастерской изготавливали резные саркофаги для герцогского семейства Медичи. Именно его руками был отлит крест, украшавший Флорентийский собор. Именно он написал картины «Благовещение» и «Крещение Христа».

– Ты помнишь, два года назад мы с тобой как-то говорили о моем сыне Леонардо? – спросил Пьеро у художника.

Леонардо удивленно перевел взгляд на отца. Ему всегда казалось, что его отец человек значительный, пользующийся в обществе немалым влиянием и уважением, но сейчас в его голосе слышались откровенные заискивающие нотки.

– Что-то припоминаю, – слегка покачав головой, Верроккьо безо всякого интереса посмотрел на смущенного Леонардо. – Кажется, ты говорил, что он умеет неплохо рисовать.

– В Винчи он лучший художник, – не без гордости ответил Пьеро.

Тонкие губы мастера разошлись в снисходительной улыбке.

– Да, конечно. Винчи... Мне приходилось там бывать по делам. Но вот если бы он стал лучшим художником Флоренции, тогда бы можно было сказать, что он лучший художник Италии. – И, чуть задумавшись, добавил: – А может быть, даже во всей Европе. Что ты умеешь рисовать, мальчик? – спросил мастер безо всякого интереса.

– Я люблю рисовать природу.

– У него хорошо получается рисовать животных, – добавил Пьеро.

– Животных, говоришь? – задумался художник. – Вот тебе бумага, вот тебе уголь, нарисуй мне лошадь.

Леонардо пододвинул к себе лист бумаги, взял заточенный кусочек угля и быстро нарисовал лошадь, вставшую на дыбы.

Андреа дель Верроккьо с интересом принялся рассматривать рисунок.

– Однако неплохо! Вижу, что ты весьма наблюдательный. Если ты будешь много работать, из тебя может получиться великолепный мастер, – в голосе Верроккьо прозвучала теплота.

– Так что ты скажешь, Верроккьо?

– Я беру его в ученики. О жилье тебе не стоит беспокоиться, пусть живет в моем доме. Места хватит. И надо же кому-то растирать для меня краски, – широко улыбнулся Андреа дель Верроккьо, показав крепкий ряд зубов. – Как ты говоришь, тебя зовут?

– Леонардо да Винчи.

Глава 10

Четыре ржавых шурупа

В последующие сутки была допрошена еще сотня свидетелей: вахтеры и охранники, дежурившие в день ограбления в музее; рабочие, занимавшиеся покраской фасада; копиисты, которых, как выяснилось, в музее было несколько десятков, однако дело так и не сдвинулось с места.

Комиссар Марк Лепен нервно глянул на часы, а потом подошел к окну и посмотрел на Вандомскую площадь, по которой, распугивая беспечных прохожих, проносились лихачи; на туристов, разгуливающих по тротуару; на колонну, стоявшую в центре площади, воздвигнутую Наполеоном в честь победы при Аустерлице. И тяжело вздохнул: остается лишь только пожалеть о том, что более не рождался такой человек, как Бонапарт. Мелковатый пошел народец. Повыродился!

Газовые фонари, полыхая неровным темно-желтым светом, бросали тени на аккуратно выложенную брусчатку.

В дверь легонько постучали.

– Войдите, – сказал префект полиции, отходя от окна.

В кабинет вошел человек в сером сюртуке и такого же цвета низком котелке; в руках он держал большую объемную папку, завернутую в белую материю и перетянутую скрученной неряшливой бечевой. Выглядел он столь же неприметно и невыразительно, как его одежда. Полноватое лицо подходило под разряд самых заурядных, без особых примет, присутствовали лишь тончайшие усики, входившие в моду среди горожан в последние годы. За такое лицо невозможно зацепиться даже самому въедливому взгляду. Ни родимого пятна, ни шрама, ни оттопыренных ушей. Ничего, что могло бы указывать на индивидуальность. Одним словом, самый обыкновенный типаж. Люди с такой внешностью бывают великолепными филерами и незаменимы для разного рода специфических поручений.

– Как прошло, Андре? – с интересом спросил Марк Лепен.

– Просто великолепно, господин комиссар! – широко улыбнувшись, ответил незаметный человечек. – Даже лучше, чем я предполагал.

Вот здесь и обнаружился некоторый изъян внешности. Передний зуб на нижней челюсти обломился и почернел как следствие какого-то удара. Но вряд ли подобный дефект отразился на качестве выполненной работы, ведь не станет же он в самом деле выслеживать фигуранта с открытым ртом!

– Не сомневаюсь, – буркнул комиссар, ибо радоваться особенно было нечему. – Наши герои подошли?

– Да, сидят в коридоре, вдвоем, – охотно отозвался неприметный.

– Скажи им, пусть войдут.

Приоткрыв слегка дверь, Андре произнес:

– Прошу вас, господа! Господин комиссар ждет вас.

В кабинет, преисполненный важности, сначала вошел директор Лувра Омоль Теофиль. На нем был полосатый сюртук и черные брюки; из-под цилиндра на плечи спадали волосы; вместо галстука на шее был повязан красный бант, смотревшийся весьма легкомысленно. Следом, слегка робея, протиснулся главный хранитель музея господин Фернан Луарет. Тощий, с костлявой головой и нелепо торчащим длинным носом, он напоминал поломанный карандаш. Третьим приглашенным был начальник охраны господин Морис, – неуклюже переваливаясь через порог, он тяжело вздохнул и нескромно загородил своим объемным телом широкую дверь, оставшись стоять позади главного хранителя.

Префект полиции мстительно глянул на вошедших.

Директор Лувра вместе с компанией томились у его кабинета целый час. Он мог бы пригласить их и раньше, благо что тем для разговоров отыскалось бы предостаточно, но он ожидал именно этого незаметного человечка. А кроме того, это ожидание включало в себя некоторую воспитательную цель – следует охранять достояние Франции как должно!

Некоторое время Марк Лепен рассматривал вошедших, сознательно не предлагая присесть, давая им возможность потоптаться в неловкости и оценить пространство комиссарского кабинета, после чего громко произнес, сверля носовую перегородку директора музея пытливым взглядом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.